

ПЕРВАЯ КНИГА ЦИКЛА
«ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫ»

ЦИФРОВОЙ МЕРИДИАН

АЛИЯ ТЕР

Алия Тер

Цифровой меридиан

«Автор»

2026

Тер А.

Цифровой меридиан / А. Тер — «Автор», 2026

Екатерина Андреевна приходит в школу с картами, советскими учебниками и верой в то, что географию нельзя заменить спутниковой навигацией. Владислав Николаевич появляется в той же учительской с ноутбуком, нейросетями и уверенностью, что урок без интерактива — просто потеря времени. Их знакомство заканчивается язвительной перепалкой, а соседство быстро превращается в негласную войну. Они слишком разные, чтобы легко найти общий язык, и слишком часто оказываются рядом, чтобы просто держаться подальше друг от друга. Но школа умеет рушить самые чёткие планы. И когда привычные ориентиры начинают сбиваться, Екатерине и Владиславу приходится задуматься: а что, если самый неожиданный маршрут в жизни невозможно проложить ни по карте, ни по алгоритму?

© Тер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Плейлист	5
Пролог. Начало маршрута	6
Глава 1. Первый звонок	12
Глава 2. Зеленая трава	18
Глава 3. Акулы восьмого «А»	22
Глава 4. Межпредметная провокация	27
Глава 5. ИИ-раб	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алия Тер

Цифровой меридиан

Плейлист

У природы нет плохой погоды - Алиса Фрейндлих

Трава у дома - Земляне

Листья жёлтые - Анне Вески

До чего дошёл прогресс — из к/ф «Приключения Электроника» (исп. Евгений Чеповецкий)

Луч солнца золотого. Серенада Трубадура (из м/ф «Бременские музыканты») - Муслим Магомаев.

Ночь - Андрей Губин (автор рекомендует кавер Nancy & Sidorov – Ночь)

Баллада о Любви - Владимир Высоцкий

Катюша - Анна Герман

10-й наш десантный батальон - Нина Ургант

День Победы - Лев Лещенко

Хотят ли русские войны - Марк Бернес

От героев былых времён - Владимир Златоустовский

Снова – dotla.

Пролог. Начало маршрута

Екатерина Андреевна Власова

Август в этом году словно забыл о том, что ему положено быть мягким преддверием осени. Он обрушился на город бетонной жарой, от которой плавился асфальт во дворах, а листья на тополях вдоль школьного забора висели безвольными серыми тряпками — ни единого дуновения, ни единого намёка на скорый сентябрьский холодок. Солнце стояло высоко и злое, белое от натуги, и даже воробьи, обычно галдящие в пыли, попрятались в тень водосточных труб. В такую погоду нормальные люди сидят по домам, пьют ледяной квас и проклинают коммунальные службы, забывшие включить полив улиц. Но я нормальным человеком себя не считала — по крайней мере, с того момента, как получила диплом.

До первой в моей жизни школьной линейки оставалось двенадцать дней, и я твёрдо решила: въеду в свой кабинет заранее. Мне требовалось время, чтобы обжить пространство, расставить книги по полкам, развесить карты, протереть пыль с подоконников и, что гораздо важнее, унять ту дрожь в коленях, которая начиналась всякий раз, когда я представляла себе триста пар глаз, устремлённых на меня с безмолвным вопросом: «Ну и чему ты нас научишь, географичка?» Триста учеников — я подсчитала по списочному составу, любезно сброшенному завучем на электронную почту, — и цифра эта казалась мне такой же невообразимой, как расстояние от Земли до Луны в километрах. Триста! У меня в университетской группе было двадцать три человека, и когда на семинаре по методике обучения приходилось отвечать перед двадцатью тремя парами глаз, у меня всё равно предательски потели ладони. А тут триста.

Впрочем, я старалась гнать панику прочь. Я шла по раскалённому тротуару к школьным воротам, сжимая в одной руке лямку тяжёлого рюкзака, а в другой — пакет с книгами, и повторяла про себя мантру, которой научил меня отец: «Глаза боятся, а руки делают». Мантра работала плохо, но хотя бы давала ритм шагам. Рюкзак больно врезался в плечо: там лежал красный диплом педагогического университета по специальности «Педагогическое образование» с двумя профилями — география и биология, — бутерброд с колбасой, термос с остывшим чаем и старая карта полушарий, которую я тащила из дома, потому что в школьном кабинете, по слухам, висело нечто выпцветшее и ещё советское, но не то чтобы хорошее. А ещё в рюкзаке, завернутый в мягкую фланель, покоился отцовский глобус — тяжёлый, блестящий, с уже несуществующими границами и трогательной надписью «Сделано в СССР» на деревянной подставке.

Глобус был моим талисманом. Отец вручил его мне четыре года назад, когда я, захлёбываясь от волнения, призналась, что всё-таки выбрала педагогический, а не медицинский, как мечтала мама. Мама тогда поджала губы и сказала: «Учителя нынче за копейки пашут, а ты ещё и географию выбрала — кому она вообще нужна, если есть навигаторы?» Но отец только рассмеялся, подмигнул и вытащил откуда-то с антресолей этот самый глобус. «Держи, Катюша, — сказал он. — Мир большой, но начинается он с точки на карте. Пусть твоя точка будет счастливой». Я ещё с детства, едва доставая до письменного стола, часами водила пальцем по атласу, выискивая незнакомые названия. Потом, в старших классах, увлеклась биологией — строением клетки, спиралями ДНК, удивительным совершенством живых организмов — и даже подумывала стать врачом, но где-то на третьем курсе университета, на паре по молекулярной биологии, вдруг поймала себя на том, что вместо схемы репликации ДНК рисую на полях контурную карту Евразии. И поняла: никакая цепь нуклеотидов не будет для меня прекраснее, чем изгибы береговой линии, горные хребты и синие прожилки рек, разбегающиеся по бумаге. География победила. Биология осталась вторым профилем — на всякий случай, чтобы мама не слишком расстраивалась, — но моё сердце безраздельно принадлежало картам, глобусам и запаху старой бумаги из учебников, которые я собирала по букинистическим магазинам.

Школа встретила меня запахом краски и хлорки — этим ни с чем не сравнимым августовским амбре, знакомым каждому, кто хоть раз переступал порог учебного заведения в последние недели лета. Ремонт уже закончился, но въедливый химический дух ещё витал в коридорах, смешиваясь с пылью, поднятой сквозняками. Я потянула на себя тяжёлую входную дверь и вошла в вестибюль, где царил прохладный полумрак. Глаза не сразу привыкли после ослепительной белизны улицы, и первое, что я увидела, — это тётя Зина, школьная уборщица, монументальная женщина с крашеными в рыжий цвет волосами и вечной шваброй в мозолистых руках. Тётя Зина гоняла по линолеуму серые разводы воды, и швабра ритмично шуршала: вжих-вжих, вжих-вжих.

— Ой, новенькая, что ли? — обрадовалась тётя Зина, прекращая своё занятие и опираясь на швабру, как на церемониальный посох. — А я гляжу — девица незнакомая. Ты чья будешь? Практикантка?

— Учительница географии, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Власова Екатерина Андреевна. Мне бы ключи от триста двадцать седьмого кабинета. И ещё, наверное, от учительской, но это уже как положено...

— Географии! — всплеснула руками тётя Зина, и на её широком лице расплылась улыбка. — Надо же, какая молоденькая! А я уж думала, нам совсем старушку пришлют, как в прошлом году, которая всё с линейкой ходила и на глобус шурилась. Ну, давай знакомиться. Меня Зинаидой Павловной кличут, но ты зови просто тётя Зина. Ключи у завуча, но она будет только после обеда, а кабинет твой открыт — там недавно стены красили, так что проветривать надо. Иди, иди, третий этаж, правое крыло. Там увидишь — табличка уже висит. Я сама вешала, смотри, ровненько ли вышло.

Табличка висела идеально ровно. Я поднялась по лестнице на третий этаж, чувствуя, как с каждым шагом сердце колотится всё сильнее, и остановилась перед дверью с лаконичной надписью: «Кабинет географии № 36. Заведующая — Власова Е. А.». Заведующая. Я — заведующая. У меня будет свой собственный кабинет, свой глобус, свои карты, свой мел, который я буду ломать о доску, как самая настоящая, взаправдашняя училка. От этой мысли мне хотелось одновременно смеяться и плакать, но я взяла себя в руки, толкнула дверь и вошла.

Внутри было душно и сумрачно. Окна, выходящие на восток, задёрнуты плотными шторами, сквозь которые солнце пробивалось лишь тонкими золотыми лезвиями. Пахло свежей краской, немного — старой бумагой, немного — мелом, и ещё чем-то неуловимым, что я про себя назвала «запахом знаний». Парты — новенькие, с пластиковыми столешницами под светлое дерево — сдвинуты в угол, стулья составлены друг на друга. Доска, огромная, трёхстворчатая, висела на стене девственно чистая, без единого штриха, и ждала моего первого мелового росчерка. Шкафы у стены пустовали, только на одной полке сиротливо лежал рулон ватмана, забытый предыдущим хозяином.

Я сгрузила свою ношу на учительский стол — массивный, дубовый, с бронзовыми ручками, явно ровесник моего отцовского глобуса, — и первым делом достала этот самый глобус. Бережно, словно младенца, освободила его от фланелевой пелёнки и водрузила в центр стола. Шар тускло блеснул в полумраке, и я на мгновение замерла, любуясь: океаны — выцветшие голубые, материки — охристые и зелёные, сетка параллелей и меридианов, тонкая, как паутина. Я слегка подтолкнула глобус пальцем, и мир послушно завращался вокруг своей оси — Северное полушарие, Южное, Атлантический океан, Тихий океан, знакомые с детства очертания континентов. Всё было на своих местах. Всё было правильно.

— Ну здравствуй, — прошептала я, сама не зная, к кому обращаюсь — к глобусу, к кабинету или к самой себе. — Вот мы и на месте.

Где-то в глубине школы хлопнула дверь, эхо прокатилось по пустым коридорам и замерло. Тишина стояла такая глубокая, что было слышно, как на улице, далеко внизу, шуршит поливальная машина. Я отошла на шаг от стола, оглядела свои владения и улыбнулась —

робко, но счастливо. Вот оно. Начало. Точка на карте. Пусть даже весь остальной мир считает, что география умерла и похоронена под грудой спутниковых снимков, — для меня она была живой. И я докажу это каждому из трёхсот моих будущих учеников. Докажу завучу. Докажу маме.

Мысли о предстоящих подвигах были прерваны самым бесцеремонным образом. Дверь кабинета, которую я, как мне казалось, плотно прикрыла, вдруг распахнулась с таким грохотом, будто в неё вломился отряд спецназа. Ручка ударилась о стену, со шкафа что-то подпрыгнуло и чуть не упало, а я вздрогнула так, что едва не опрокинула глобус. На пороге стоял мужчина.

Высокий — это я отметила сразу, потому что даже в своих кедах привыкла смотреть на большинство людей сверху вниз, а тут пришлось чуть задрать голову. Он был в светлой футболке с надписью «Нет интернета — иди работай», которая сидела на нём не то чтобы небрежно, но как-то вызывающе свободно, и в синих джинсах. Каштановые волосы торчали в разные стороны, словно он только что сражался с ураганом, а может, просто забыл причесаться. Глаза у него были ярко-зелёные — такого насыщенного оттенка, какой бывает у молодой травы в мае или у малахита на срезе. Глаза смотрели прямо на меня, и в них плясали чёртики — те самые, которые обещают, что сейчас что-то будет, и это «что-то» вряд ли окажется приятным.

Я успела заметить ещё одну деталь: на левом запястье у него болтался плетёный кожаный браслет с крошечной металлической пластинкой, на которой что-то было выгравировано. В следующий миг мужчина открыл рот, и всё внимание переключилось на его слова.

— О! — произнёс он, обводя взглядом мой сарафан в мелкий цветочек, растрёпанный пучок тёмных волос, кеда на плоской подошве и глобус в руках. — Я думал, тут учительница новая. А это, видимо, лаборантка? Мне нужен человек, который в курсе, куда дели проектор из двадцать пятого. Ты не в курсе, девочка?

«Девочка». Слово щёлкнуло в сознании, как взведённый курок. Мне двадцать три, у меня красный диплом, я прочитала всего Гумбольдта¹ и могу с закрытыми глазами нарисовать физическую карту Евразии от Атлантики до Берингова пролива. А для этого типа я — «девочка». Я выпрямилась во весь свой рост — метр семьдесят два сантиметра, если не сутулиться, — и отчеканила ледяным тоном, которому позавидовала бы даже классная руководительница одиннадцатого «Б», умевшая умирять хулиганов одним взглядом:

— Во-первых, я и есть учительница новая. География. Во-вторых, где проектор — понятия не имею. Я здесь впервые и, честно говоря, даже не знаю, как пройти в столовую, не говоря уже о проекторах. А в-третьих, дверь обычно открывают стуком, а не ударом ноги. Или у вас в компьютерном классе другие нормы вежливости?

Мужчина и бровью не повёл. Он прислонился плечом к дверному косяку, скрестил руки на груди и окинул меня долгим, оценивающим взглядом — от растрёпанных волос до кед с разноцветными шнурками. Усмешка, игравшая на его губах, стала чуть шире, и в ней явственно читалось нечто среднее между иронией и любопытством.

— Учительница, значит. Географии, — произнёс он с расстановкой, словно пробуя слова на вкус. — И давно вы учительница? Просто выглядите так, будто сами только вчера сдали ЕГЭ. Год выпуска не подскажете?

Удар ниже пояса — год выпуска. Я стиснула зубы. Я слишком хорошо знала этот снисходительный тон, с которым опытные педагоги встречают молодых специалистов: «Ой, диплом-то свеженький, а опыт где?» Я видела его на лицах методистов во время студенческой практики, слышала в голосах некоторых школьных завучей, угадывала в прищуре собственной матери. Но слышать его сейчас, от этого нахального типа, который старше меня от силы лет на пять, было почти невыносимо.

¹ Александр фон Гумбольдт — немецкий географ, натуралист и путешественник, один из основателей географии как самостоятельной науки.

— Две тысячи двадцать четвёртый, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Красный диплом. Специальность — «Педагогическое образование», профили «География и биология». Если нужно, могу показать вкладыш с оценками — у меня всё на «отлично», включая методику преподавания, так что, поверьте, я знаю, с какой стороны подходить к доске. А вам, простите, какой год выпуска интересен? Может, вам заодно показать трудовую книжку или медицинскую карту?

На мгновение в зелёных глазах что-то дрогнуло. Брови мужчины чуть приподнялись — то ли от удивления, то ли от неожиданного уважения. Но он быстро оправился и снова скорчил ту самую физиономию, которая, видимо, была его коронным выражением лица в общении с молодыми коллегами.

— Красный диплом? — переспросил он с деланым изумлением. — Ого. Ну тогда конечно. Только я одного не пойму: географы сейчас вообще существуют? Мне казалось, их заменили гугл-картами. Ну, и нейросетями — нажал кнопку, и тебе любой климат сгенерируют. А вы, наверное, ещё и на доске мелом рисуете? И глобусы крутите? — Он кивнул на отцовский глобус, который всё так же безмятежно сиял на столе, и в голосе его прорезалась нотка снисхождения, почти неуловимая, но я уловила её мгновенно. — Слушайте, а у вас точно не советское высшее образование? Ну, или вы, может, из семьи потомственных педагогов? А то глобус у вас — явно ровесник Брежнева. Я не искусствовед, но подставка выглядит так, будто её ещё при Хрущёве полировали.

Это был контрольный выстрел, нанесённый с хирургической точностью. «Советское образование». «Ровесник Брежнева». И глобус — мой талисман, мой отцовский подарок, моя счастливая точка на карте — обозван древностью. Я почувствовала, как внутри закипает волна ярости, поднимаясь откуда-то из солнечного сплетения к горлу. Педагогический университет учил меня, что на хамство нужно отвечать сдержанно и конструктивно, но сейчас конструктивность отказывала. Хотелось сказать что-нибудь резкое, хлёсткое, такое, чтобы стереть с его лица эту невыносимую усмешку.

— У меня современное образование, — произнесла я, чеканя слова и чувствуя, как к щекам приливает жар. — А глобус — это классика. И если уж мы заговорили о возрасте, то, может быть, вам пора обновить гардероб? Футболки с шутками из двухтысячных сейчас уже не носят. Или в вашем мире высоких технологий мода тоже застряла где-то на уровне «ровесника Брежнева»?

Мужчина вдруг фыркнул. Не обиженно, нет — скорее удивлённо и, кажется, почти восхищённо. Он отлип от косяка, сделал шаг вперёд, и я невольно отметила, что двигается он легко, почти бесшумно, несмотря на свой рост и кажущуюся расслабленность. От него пахло кофе и каким-то терпким, пряным одеколоном — смесь, которая почему-то совершенно не вязалась с образом компьютерного зануды.

— Острый язычок, — констатировал он и, к моему изумлению, протянул мне руку — широкую ладонь с длинными пальцами пианиста. — Владислав Николаевич Новиков. Информатика и ИКТ. Обитаю в соседнем кабинете, номер тридцать семь. Будем соседями. Я, собственно, проектор искал, потому что его нигде нет, а мне надо презентацию для педсовета готовить. Но теперь я вижу, что проектор — не единственная интересная находка в этом крыле.

Его тон на последней фразе стал почти нейтральным, разве что лёгкая хрипотца выдавала скрытую иронию. Я опустила взгляд на его руку, зависшую в воздухе. Все правила вежливости кричали, что нужно пожать её и представиться в ответ, но что-то внутри сопротивлялось. Этот человек только что назвал меня «девочкой», высмеял мой возраст, мои методы, мой глобус и — косвенно — моего отца. Руку ему? Ну уж нет.

— Екатерина Андреевна Власова, — сказала я, не делая ответного жеста и глядя ему прямо в глаза. — И если мы соседи, то, пожалуйста, в следующий раз стучите. Стены здесь тонкие, но двери ещё тоньше. И по поводу проектора я, к сожалению, ничем помочь не могу

— разве что предложить вам нарисовать презентацию мелом на доске. Говорят, старомодный метод, но действенный.

Я ожидала чего угодно: новой колкости, снисходительного смешка, может быть, наигранной обиды. Но Владислав Николаевич вдруг запрокинул голову и расхохотался — открыто, искренне, низким горловым смехом, который эхом прокатился по пустому кабинету и заставил меня на секунду забыть о том, что я злюсь. Смех у него был неожиданно приятный, совершенно не вяжущийся с образом наглого хама.

— А вы мне нравитесь, Екатерина Андреевна, — отсмеявшись, сказал он и убрал наконец свою не пожатую руку в карман джинсов. — Своенравная, красный диплом, советский глобус и чувство собственного достоинства размером с Эверест. Любопытное сочетание. В нашей школе такого ещё не было.

Он развернулся к выходу, но на пороге задержался — ровно в том месте, где солнечный свет из коридорного окна падал на него особенно ярко, очерчивая профиль с лёгкой горбинкой на носу, острые скулы и длинные, почти девчачьи ресницы, которые я в первую минуту не разглядела. Теперь я их увидела и, помимо воли, отметила, что они придают его лицу какое-то почти мальчишеское выражение. Он обернулся через плечо, и зелёные глаза вновь впились в меня — на этот раз без насмешки, но с внимательным, изучающим прищуром.

— А волосы у вас интересные, — сказал он вдруг совсем другим тоном — тише, задумчивее. — Сейчас просто чёрные, а когда свет падает — будто сиреневым отливают. Вот тут, — он неопределённо махнул рукой куда-то в район моего виска, — прямо фиолетовая прядь. Красиво. Неожиданно для учительницы географии. Обычно географички — это строгие тётеньки с пучками и в очках. А тут...

И вышел. Дверь за ним закрылась с тихим щелчком — на этот раз совершенно нормально, без грохота, словно в насмешку над моей претензией. Я осталась стоять посреди кабинета, чувствуя, как в висках стучит кровь, а щёки горят так, будто я только что пробежала стометровку. Что это сейчас было? Оскорбление? Compliment? Смесь того и другого? И главное — почему он заметил мои волосы? И почему сказал «красиво»? И какого чёрта у него такие зелёные глаза, что я до сих пор вижу их перед собой, хотя он уже ушёл и, судя по шагам, скрылся в соседнем кабинете?

Я медленно опустилась на скрипучий учительский стул и потёрла виски ладонями. Сердце колотилось — то ли от злости, то ли от чего-то ещё, во что я не хотела сейчас углубляться. Власова, приказала я себе мысленно. Возьми себя в руки. Ты пришла сюда не затем, чтобы какой-то информатик с манерами программиста-миллионера выбивал тебя из колеи. У тебя календарно-тематическое планирование на год. У тебя двенадцать карт, которые нужно развесить по стенам. У тебя триста учеников. У тебя, в конце концов, миссия — доказать, что география жива, что бумажные карты важнее спутниковых снимков и что старый глобус может научить большему, чем все нейросети мира вместе взятые. Думай об этом. А не о том, что у Владислава Новикова смех как тёплый кофе, а ресницы — как у мультяшного принца.

Я протянула руку и медленно крутанула глобус. Шар послушно завращался, и мир снова понёсся перед глазами: синие океаны, зелёные низменности, коричневые горы. Всё на своих местах. Всё предсказуемо и понятно. Не то что некоторые соседи.

Из-за стены — тонкой, с возмутительной слышимостью, — вдруг донёсся звук включаемого компьютера и несколько тактов знакомой мелодии, которую кто-то мурлыкал себе под нос. Мужской голос, негромкий, но достаточно разборчивый, выводил:

— У природы нет плохой погоды, каждая погода — благодать...

Я замерла. Это была та самая песня из «Служебного романа» — старого советского фильма, который мы смотрели с родителями каждую осень. Тот самый Владислав Новиков, который только что высмеивал моё якобы «советское образование» и «ровесника Брежнева», сидит сейчас в своём двадцать шестом и напевает советскую песню. То есть сам-то он, выходит,

тоже не такой уж продвинутый информатик без прошлого, каким хочет казаться. Это открытие почему-то вызвало у меня невольную усмешку. Я представила, как этот наглый тип с браслетом и растрёпанными волосами мурлычет «У природы нет плохой погоды», и гнев, бурливший внутри, начал понемногу оседать, уступая место чему-то похожему на любопытство.

— Ладно, — сказала я сама себе. — Один — ноль в его пользу. Но это только первый раунд.

Я встала, расправила плечи и, подхватив первую пачку учебников, принялась раскладывать их по полкам. Среди новеньких глянцевого пособия, пахнущих типографской краской, выделялись три старых книги в твёрдых обложках — ещё мамини, с пожелтевшими страницами и чудесными, вручную раскрашенными схемами. Я провела пальцем по корешку одного из них — «География материков. Учебник для 6 класса» 1972 года издания. Пусть этот сноб смеётся сколько угодно. Я покажу ему — и всем остальным — что география, как и хорошее вино, с годами становится только ценнее. А если для этого придётся весь год воевать с соседом за стенкой, что ж, я готова.

Из-за стены снова донёсся смешок — видимо, Владислав Николаевич нашёл то, что искал в своём компьютере, или просто подшучивал над кем-то в мессенджере. Я подошла к окну, отдернула штору и впустила в кабинет поток солнечного света. Августовское солнце, всё ещё жаркое, но уже чуть-чуть подёрнутое дымкой будущей осени, залило комнату. В его лучах пылинки заплясали в воздухе, а на стене заиграли блики от глобуса — маленькие радужные зайчики.

Двенадцать дней до линейки. Двенадцать дней до встречи с тремя сотнями учеников. Двенадцать дней до того, как моя новая жизнь начнётся по-настоящему. И где-то там, за тонкой стеной, уже поселился сосед, который обещает сделать эту жизнь гораздо более... занимательной.

Я улыбнулась — на этот раз не робко, а предвкушающее — и взялась за указку. Год обещал быть долгим. Очень, очень долгим. И, кажется, совсем не скучным.

Глава 1. Первый звонок

Екатерина Андреевна Власова

Дождь всё-таки пошёл. Не проливной, не ливень — петербургский дождь, мелкий, въедливый, почти туман, который не капает, а висит в воздухе серой водяной пылью. Августовская жара, измучившая город на прошлой неделе, отступила, словно сдалась под натиском календаря, и теперь небо над школьным двором было ровного свинцового цвета — ни просвета, ни намёка на солнце.

Я стояла на крыльце и смотрела на школьный двор, который гудел, как растревоженный улей. Триста учеников — плюс-минус те самые триста, что значились в списочном составе, — а с ними родители, бабушки с букетами наперевес, дедушки с фотоаппаратами, младшие братья и сёстры, которых притащили за компанию. Первоклассники жались к родителям, выставив перед собой гладиолусы, как пики. Старшеклассники держались особняком, лениво перебрасываясь шутками и демонстративно не глядя на малышню. Среднее звено — пятые-седьмые классы — носилось между рядами, и то тут, то там взвизгивали девчоночьи голоса.

Я глубоко вдохнула и поправила причёску. Сегодня я распустила волосы — впервые за долгое время. Обычно я собирала их в пучок или в хвост: так удобнее, так строже, так «по-учительски». Но вчера вечером, стоя перед зеркалом в своей квартире, я вдруг решила: первый день — это парад. Пусть будет красиво. Волосы тяжёлой волной лежали на плечах, тёмные, почти чёрные, и я знала, что при определённом освещении в них проступает тот самый баклажановый отлив, который в прологе заметил Владислав Новиков. Заметил — и имел наглость прокомментировать. Я тряхнула головой, отгоняя воспоминание, и одёрнула лацканы тёмно-синего пиджака. Пиджак был новый, купленный специально к 1 сентября в магазине на Невском, и сидел идеально. Под ним — белая блузка и юбка-солнце до колена. Я чувствовала себя почти уверенной.

Почти — потому что внутренний мандраж никуда не делся. Он поселился где-то под диафрагмой ещё вчера и теперь тихонько подрагивал, как натянутая струна. Я обвела взглядом толпу и увидела коллег, которые выстроились вдоль крыльца. Классные руководители уже собирали свои классы, размахивая табличками с буквами и цифрами. Кто-то смеялся, кто-то поправлял галстук, кто-то прижимал к груди планшетку с расписанием. Я никого из них ещё не знала — только директора и одного невыносимого информатика, — поэтому чувствовала себя немного отстранённой. Как новенькая в классе, только класс — вся школа.

— Простите, вы Екатерина Андреевна? — раздался рядом мягкий, певучий голос.

Я обернулась. Передо мной стояла молодая женщина примерно моего возраста. Светло-каштановые волосы были уложены волнами, обрамляя лицо с тонкими, почти акварельными чертами. Голубые глаза смотрели приветливо и чуть-чуть изучающе. Элегантные очки в тонкой золотой оправе сидели на носу так органично, словно были частью лица. Одетая она была безупречно: блузка цвета слоновой кости, твидовый жакет, плиссированная юбка и туфли-лодочки, в которых она, казалось, не испытывала ни малейшего неудобства, хотя стояла на каблуках уже, наверное, полчаса.

— Да, это я, — кивнула я, чувствуя лёгкое замешательство. — А вы?..

— Анна Сергеевна Денисова, — она улыбнулась и протянула мне узкую ладонь с аккуратным маникюром. — Учительница английского. Я вас на линейке увидела и сразу поняла: новенькая. Стоите с таким лицом, будто решаете, куда бежать — в класс или обратно к метро.

Я невольно усмехнулась. Она угадала почти точно.

— Есть немного, — призналась я. — Первый рабочий день. Первое 1 сентября в жизни. Ощущение, что сейчас начнут спрашивать с меня домашнее задание, а я его не сделала.

Анна рассмеялась — мягко, негромко, но очень искренне.

— О, я вас понимаю. Я в прошлом году точно так же стояла. Это сейчас я такая вальяжная, — она поправила очки, — а год назад меня трясло так, что один семиклассник спросил, не замёрзла ли я. В сентябре. В плюс пятнадцать. Так что не переживайте, это нормально.

Она говорила легко, без менторского тона, и её голос действовал успокаивающе. Я почувствовала, как струна под диафрагмой чуть-чуть ослабла.

— Вы первый год работаете? — спросила Анна, разглядывая мой пиджак с одобрением. — Или перевелись откуда-то?

— Первый. С красным дипломом и нулевым стажем, — я криво усмехнулась. — География и биология.

— А я английский веду у пятых, седьмых и десятых. И ещё классное руководство у шестого «А». Так что я тут уже свой человек — второй год пошёл. Вообще-то я на пятом курсе сюда пришла практиканткой, да так и осталась. Школа затягивает, как болото, — она подмигнула. — В хорошем смысле.

— А у меня классного руководства нет, — сказала я. — Пока только география. Пятые, шестые, седьмые, восьмые и немножко девятые.

— Повезло, — вздохнула Анна. — Классное руководство — это отдельный вид спорта. Я в прошлом году думала, что поседею к Новому году. Но ничего, обошлось. Пока только две седых волосинки нашла.

Мы обе рассмеялись, и я впервые за утро почувствовала, что, кажется, смогу тут освоиться.

Где-то впереди заскрипел микрофон. Директор — Тамара Васильевна, сухопарая женщина с высокой причёской и безупречной осанкой — поднялась на крыльцо и начала традиционную приветственную речь. Я слушала вполуха: слова про «новые горизонты», «тягу к знаниям» и «надежду на молодых специалистов» лились плавным потоком, сливаясь с шумом дождя и детским гулом. Первоклассница с белыми бантами размером с пропеллеры закрутила головой, высматривая маму, и чуть не заехала своим букетом по лицу соседу. Мальчишки из пятого класса пихали друг друга локтями. Выпускники стояли с непроницаемыми лицами, явно считая минуты до конца церемонии.

Потом был первый звонок. Маленький первоклассник с испуганными глазами, которого подсадили на плечо здоровенному одиннадцатикласснику, отчаянно тряс колокольчиком, и этот звук разнёсся над двором, пронзительный и чистый. Я смотрела на них и вдруг поймала себя на мысли, что улыбаюсь. Вот оно. Началось. Моя первая линейка. Мой первый звонок в качестве учителя.

— Ну что, Екатерина Андреевна, — Анна тронула меня за локоть, — сейчас детей разведут по классам, а у нас педсовет. Это такая традиция: каждый год 1 сентября после линейки мы собираемся в учительской и час слушаем, как Тамара Васильевна ставит задачи на год. В прошлом году я уснула с открытыми глазами. В этом году, чую, научусь медитировать.

— Звучит обнадеживающе, — хмыкнула я.

— Пойдёмте, — Анна кивнула в сторону входа. — Займём места в задних рядах, там не так видно, если будете клевать носом.

Мы вошли в школу. В коридорах пахло всё той же краской и хлоркой, но теперь к ним примешивался запах мокрых курток, цветов и детской беготни. Классы с гомоном расходились по кабинетам, а мы, учителя, направились в учительскую. Это была большая комната с длинным столом, заставленным чашками, бумагами, журналами и вазочками с печеньем. Вдоль стен — шкафы с методической литературой, на окнах — разросшиеся фиалки в горшках. Я огляделась, ища свободное место.

И тут я его увидела.

Владислав Новиков сидел в углу, развалившись на стуле с таким видом, будто педсовет был его личной гостиной, а все остальные зашли на огонёк. Сегодня он был не в футболке с

дурацкой надписью, а в светло-сером костюме, который неожиданно шёл к его зеленым глазам. Волосы всё так же торчали в разные стороны — видимо, это была его фирменная причёска под названием «я только что от клавиатуры». Увидев меня, он расплылся в улыбке, которая не предвещала ничего хорошего, и демонстративно похлопал ладонью по соседнему стулу.

— Екатерина Андреевна! — окликнул он через всю учительскую. — Идите сюда, я для вас место занял.

Я замерла. Анна рядом со мной слегка напряглась и покосилась на меня.

— Вы знакомы? — спросила она вполголоса.

— К сожалению, да, — пробормотала я.

— Тогда я вам не завидую, — Анна чуть заметно усмехнулась, но без ехидства, скорее сочувственно. — Он обычно тихий, но, видимо, вы ему чем-то приглянулись. Ну, удачи, — и она скользнула в другой конец стола, оставив меня один на один с неизбежностью.

Делать было нечего — проигнорировать его при всём коллективе означало бы выставить себя капризной девчонкой, а я была здесь на испытательном сроке, между прочим. Я поджала губы и направилась к нему через всю учительскую, чувствуя, как несколько пар глаз провожают меня с любопытством.

— Доброе утро, Владислав Николаевич, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, и села на предложенный стул с максимально прямой спиной.

— Доброе, доброе, — он откинулся на спинку и скрестил руки. — Отлично выглядите. Синий вам идёт. Почти как синий экран смерти, только приятнее.

— А вы, я смотрю, обновили гардероб, — я покосилась на него. — Футболку с шуткой из двухтысячных наконец отправили в стирку? Поздравляю.

— О, вы запомнили мою футболку? — он притворно округлил глаза. — Польщён. Значит, первое впечатление было ярким.

— Как пожар, — согласилась я. — Хочется поскорее забыть.

Он хмыкнул и ничего не ответил, но я заметила, как в зелёных глазах мелькнул всё тот же чёртик.

Педсовет начался. Тамара Васильевна говорила о планах на год, о грядущих проверках, о том, что школа переходит на новую электронную платформу, и что все учителя должны освоить её до конца сентября. Я слушала и пыталась запоминать. Новиков сидел рядом и, к моему удивлению, молчал. Даже не пытался комментировать, не отпускал свои дурацкие шуточки — просто слушал, иногда что-то помечая в телефоне. Параллельно я заметила ещё одну деталь: классных руководителей, сидевших отдельной кучкой, Тамара Васильевна попросила задержаться после педсовета. Мы с Новиковым переглянулись — и я вдруг поняла, что мы оба единственные, кого это не касается.

— Слышали? — шепнул он, наклонившись чуть ближе. — Мы с вами в элитном клубе. Свободные художники без классного руководства. Можете считать это профессиональной удачей.

— Могу, — так же шёпотом ответила я. — И считаю.

Он хмыкнул и больше ничего не сказал до конца совещания. Когда Тамара Васильевна закрыла педсовет, все задвигали стульями, зашумели, потянулись к выходу. Я тоже встала и направилась к двери. Анна поймала меня в коридоре.

— Ну как? Живая? — спросила она, вглядываясь в моё лицо.

— Вполне, — удивилась я. — На удивление спокойно.

— Вот и славно, — она улыбнулась. — Мне пора к своему шестому «А» — у них сегодня классный час, и если я опоздаю, они разнесут кабинет. А вам — удачи. И если что, мой кабинет сорок четвёртый. Забегайте на перемене, у меня есть чай и шоколадные конфеты. Учительницам географии нужна подпитка.

Она махнула рукой и, цокая каблучками, скрылась за поворотом. Я осталась стоять в опустевшем коридоре. Первый урок у меня был во вторник — 2 сентября. Сегодня только классные часы, знакомство с классами и оргвопросы. Значит, у меня есть ещё три дня, чтобы доработать конспекты, развесить последние карты и подготовиться.

Я направилась к своему кабинету. Проходя мимо тридцать седьмого, я услышала, как за дверью играет музыка — что-то электронное, ритмичное. Новиков уже оккупировал свою территорию. Я ускорила шаг и нырнула в спасительную тишину географии.

В кабинете было по-прежнему уютно. На стенах висели карты — физическая карта мира, карта России, карта полушарий. На подоконнике я поставила горшок с хлорофитумом — самым неприхотливым цветком, который только смогла найти. Глобус стоял на столе, всё такой же блестящий и величественный. Я погладила его по деревянной подставке.

— Ну что, дружок, — сказала я ему негромко. — Первый день почти закончен. Осталось пережить ещё сто семьдесят учебных.

Глобус молчал. Но, кажется, одобрял.

Я села за стол, раскрыла папку и начала перебирать листы. Конспект по тектонике для 7-го класса был исписан моим аккуратным почерком, с пометками на полях и маленькими рисуночками — я всегда так делала, потому что визуализация помогала мне самой структурировать материал. Может, стоит добавить презентацию? Я вздохнула и отложила листы в сторону. Подумаю об этом завтра.

Дверь открылась без стука.

Я дёрнулась и подняла голову. На пороге стоял Владислав Новиков собственной персоной — небрежно прислонившись плечом к косяку, с кружкой кофе в одной руке и смартфоном в другой. На губах играла всё та же фирменная усмешка, которую я уже начинала узнавать и заранее ненавидеть.

— Стучаться так и не научились? — спросила я, откладывая ручку. — Кажется, в августе мы это уже обсуждали.

— Каюсь, — он поднял кружку в примирительном жесте. — Исправлюсь. Но у меня к вам деловое предложение, Екатерина Андреевна. Слышали про новую платформу? Ту самую, которую директор сегодня обсуждала?

— Слышала, — насторожилась я.

— Ну так вот, — он прошёл в кабинет без приглашения и уселся на край ближайшей парты, поставив кружку рядом. — Я, как учитель информатики, назначен ответственным за внедрение. В нагрузку к основной ставке, естественно. И я подумал: раз уж мы соседи, а вы человек новый и, подозреваю, не до конца освоившийся с интерфейсами, — могу предложить вам помощь. Индивидуальный мастер-класс. Чтобы вы не утонули в этой системе до начала четверти.

Я поджала губы. С одной стороны, предложение звучало разумно. С другой — тон, каким оно было сделано, подразумевал, что я без него не справлюсь. А это было обидно.

— Спасибо, — сказала я сдержанно. — Я разберусь сама. У меня красный диплом, а не справка из каменного века.

— Охотно верю, — он кивнул с таким лицом, будто на самом деле не верил ни на грамм. — Но платформа специфическая. Там даже опытные учителя путаются в разделах. Я просто предлагаю сэкономить вам время и нервные клетки. Бесплатно. Из чистого альтруизма.

— Из альтруизма? — я приподняла бровь. — От вас? В августе вы меня называли лаборанткой и высмеяли глобус, а теперь внезапно предлагаете помощь. В чём подвох?

— Никакого подвоха, — он развёл руками. — Просто коллегиальная поддержка. Ну, и, возможно, мне интересно посмотреть, как вы будете злиться на интерфейс. У вас очень выразительное лицо, когда вы злитесь.

Я открыла рот, чтобы ответить колкостью, но не успела — его взгляд упал на мой стол. Точнее, на листы конспекта, которые я оставила раскрытыми.

— А это что? — он оживился и, прежде чем я успела среагировать, протянул руку и подхватил верхний лист.

— Положите на место, — потребовала я, вставая.

Но он уже читал. Его зелёные глаза бегали по строчкам, и на лице медленно проступало выражение, которое я могла бы назвать «археолог обнаружил ископаемое».

— «Учащиеся перечерчивают схему в тетрадь с доски», — прочитал он вслух с выражением. — «Учитель показывает на карте границы литосферных плит». Екатерина Андреевна, можно вопрос? Вы вообще слышали про интерактивные доски? Про презентации? Про то, что на дворе двадцать первый век, а не съезд учителей-новаторов тысяча девятьсот семьдесят третьего года?

Я выхватила лист у него из рук и прижала к груди.

— Это классическая методика, — отчеканила я. — Она работает десятилетиями. Дети перерисовывают схему — они запоминают. Дети смотрят на карту — они видят масштаб. Или вы считаете, что клиповое мышление и мелькание слайдов полезнее?

— Я считаю, — он шагнул ко мне, сокращая дистанцию до неприличной, — что ваша методика слегка устарела. Мне даже интересно, что за методист тебя учил писать такой конспект? Вы читали ФГОС², Екатерина Андреевна? Или вы пропустили моменты о цифровизации образования?

«Ты». Он перешёл на «ты». Вот так, запросто, между делом, пока читал мой конспект. Это было даже не хамство — это было что-то хуже. Панибратство. Снисходительное такое, хозяйское, будто я ему не коллега, а младшая сестра, которая опять натворила глупостей.

— На «ты» мы не переходили, — проговорила я ледяным тоном, который должен был заморозить его на месте. — И да, я читала ФГОС. Но я также читала Выготского, Ушинского и Сухомлинского.³ Вам расшифровать, кто это, или в вашем мире высоких технологий книги — это тоже пережиток?

Я ожидала новой колкости, очередной усмешки. Но вместо этого Новиков сделал ещё полшага вперёд и слегка наклонился — так, что его лицо оказалось непозволительно близко к моему. Я почувствовала запах кофе и того самого терпкого одеколona, который запомнила ещё с августа. А потом он заговорил — тихо, почти шёпотом, прямо над моим ухом:

— У вас прямо не характер, а тектонический разлом, — произнёс он, и от его низкого голоса у меня почему-то побежали мурашки по шее. — Ладно, Екатерина Андреевна, вернёмся на «вы». Но только потому, что вы попросили. А по поводу Ушинского — я его читал. В изложении. На третьем курсе. И я вовсе не враг вашему подходу, просто...

Он вдруг замолчал и посмотрел на меня как-то иначе — без насмешки, с любопытством.

— Просто вы странная, Екатерина Андреевна, — закончил он тише, почти задумчиво. — Приходите в школу в двадцать первом веке, тащите советские учебники, крутите глобус, как заклинание вызываете духов великих географов... и при этом у вас волосы фиолетовые. Несочетаемое сочетание. Мне это интересно.

Я отступила на шаг и упёрлась спиной в край стола. Сердце колотилось где-то в горле — от злости или от того, что он стоял слишком близко, я бы не смогла сказать точно.

— Мои волосы, мой глобус, мои учебники и мои методики — это всё не ваше дело, Владислав Николаевич, — отчеканила я. — Если у вас всё, то попрошу покинуть кабинет. У меня ещё календарно-тематическое планирование.

² Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС)

³ Лев Семёнович Выготский, Константин Дмитриевич Ушинский и Василий Александрович Сухомлинский — выдающиеся отечественные педагоги, чьи идеи оказали значительное влияние на развитие образования.

Он выпрямился, отступил на шаг, и на лице его снова появилась та самая усмешка — но теперь в ней сквозило что-то другое. Не снисхождение — скорее азарт. Как у игрока, который нашёл достойного противника.

— Как скажете, — он подхватил свою кружку со стола и направился к двери. — Но предложение насчёт платформы остаётся в силе. Если что — я за стенкой. В прямом смысле. И, Екатерина Андреевна...

Он обернулся на пороге и окинул меня долгим взглядом — уже без улыбки, но с тем самым изучающим прищуром, от которого мне хотелось то ли запустить в него глобусом, то ли проверить, не прилипла ли к пиджаку нитка.

— Знаете, Екатерина Андреевна, — произнёс он задумчиво, — а вы мне определённо нравитесь. Как экспонат. Живое ископаемое педагогической науки. Буду заходить — изучать.

И вышел, не дожидаясь ответа. Дверь закрылась, а я осталась стоять посреди кабинета, сжимая в руках злосчастный конспект, и чувствовала, как горят щёки, а в груди закипает бес- сильная ярость.

«Экспонат». «Живое ископаемое». Этот человек умудрялся вывести меня из себя за две минуты. За две минуты! Я швырнула конспект на стол и сжала кулаки. И главное — он ведь был прав в одном: мой конспект действительно был старомодным. Я сама это знала. Но я готовилась к урокам по советским учебникам не потому, что не умела пользоваться интернетом. А потому, что эти учебники писали люди, которые любили свой предмет. Которые не втискивали живой материал в рамки ФГОСовских компетенций и универсальных учебных действий. Которые думали о детях, а не об отчётах.

Но объяснять это Новикову я не собиралась. Пусть считает меня динозавром. Пусть смеётся сколько влезет. Пусть заходит — «изучать». Я ему устрою экскурсию. Таковую, что больше не захочет.

Я села обратно за стол и попыталась успокоиться. Взяла ручку. Положила ручку. Подвинула к себе конспект. Отодвинула конспект. В голове крутилось его последнее слово: «экспонат». Нет, каков наглец! Сначала лаборантка, потом «девочка», теперь экспонат. Кажется, у него была цель перебрать все возможные способы меня унижить — и он планомерно шёл по списку.

Из-за стены донёсся всё тот же ритмичный электронный бит, и вдруг я услышала, как он опять мурлычет — в этот раз что-то другое, неузнаваемое. Мелодию я не опознала, но голос был тот же — низкий, с лёгкой хрипотцой, который только что называл меня ископаемым.

Я стиснула зубы. Наглый, бестактный, язвительный тип. И пусть у него глаза как малахит на срезе и смех как тёплый кофе — мне-то что? Мне всё равно.

Я открыла ноутбук и зашла в новую электронную платформу. Раз уж он считает, что я не справлюсь, — я справлюсь сама. Назло. Пусть подавится своим альтруизмом.

Платформа встретила меня сложным интерфейсом и путаницей вкладок. Через полчаса я всё ещё не могла разобраться, как загрузить календарно-тематический план. Через час я тихо ненавидела всех программистов мира. Через полтора часа я посмотрела на стену — тонкую стену между нашими кабинетами — и подумала, что, возможно, проклятый информатик был не так уж неправ со своим предложением.

Но просить о помощи? Ну уж нет. Я скорее съем этот конспект по тектонике, чем переступлю порог тридцать седьмого кабинета со словами «Помогите мне, пожалуйста».

Глава 2. Зеленая трава

Владислав Николаевич Новиков

У меня был ритуал. Каждое утро, приходя в школу на полчаса раньше положенного, я первым делом включал компьютер, запускал кофе-машину и открывал программу видеонаблюдения. Не потому, что я параноик или тайный агент спецслужб — просто три года назад, когда в школе ставили камеры, подрядчики выполнили работу так, что половина устройств показывала вместо коридоров живописные кирпичные стены крупным планом. Я тогда был молодым специалистом, которому директор всучила техподдержку «по дружбе», и за неделю перебрал всю систему с нуля. С тех пор доступ к камерам остался у меня на компьютере — то ли по привычке, то ли по молчаливому уговору с администрацией. В основном я проверял, не висит ли где-нибудь провод, не мигает ли индикатор перегрузки, и не забыл ли кто-нибудь закрыть окно в спортзале. Скука смертная.

Но этим утром скучно не было.

Второго сентября школа ещё пустовала — до начала уроков оставалось два дня, но учителя уже копошились в кабинетах, готовили классы, развешивали плакаты и делали вид, что к началу учебного года всё идеально готово. Я сидел за своим столом, прихлёбывал кофе и лениво скроллил картинку с камер. Коридор первого этажа — пусто. Столовая — пусто, только тётя Зина протирает подоконники с видом полководца, инспектирующего войска. Спортзал — кто-то из физруков пинает мяч. Лестница — пусто.

И тут я переключил на камеру третьего этажа, правое крыло.

По коридору шла Екатерина Андреевна Власова.

Она держала спину неестественно прямо, как человек, который то ли занимался балетом, то ли постоянно ждёт удара. В одной руке — стопка книг, прижатая к груди, как щит, в другой — здоровенный тубус с картами. Волосы снова распущены, тёмные, тяжёлые, и даже сквозь зернистую картинку камеры я заметил, как при повороте головы в них что-то неуловимо меняется — будто свет преломляется иначе. Сиреневый отлив. Да, точно.

Она остановилась перед дверью своего кабинета, попыталась нашарить ключ одной рукой, не выпуская тубуса, и у неё это ожидаемо не получилось. Тубус поехал вниз, книги накренились. Я отставил кофе и с интересом подался вперёд. Она выругалась — я не слышал слов сквозь стену, но по движению губ прочитал что-то весьма экспрессивное, — перехватила тубус коленом, уронила ключи, подняла их, снова чуть не выронила книги и наконец скрылась за дверью. Я хмыкнул и откинулся на спинку стула.

Занятно. Очень занятно.

С того самого августовского дня, когда я вломился в тридцать шестой кабинет в поисках проектора и обнаружил там не старушку в очках, а эту взъерошенную девицу с глобусом и боевым настроением, я не мог избавиться от чувства, что предстоящий учебный год перестанет быть томным. Она была... другой. Я проработал в этой школе пять лет и повидал всякое: унылых практикантов, которые шарахались от детей и мечтали только о том, чтобы отсидеть часы и сбежать; самоуверенных выпускников педвузов, которые через месяц ломались под нагрузкой и писали заявление по собственному; опытных педагогов старой закалки, которые могли усмирить класс одним взглядом. Но эта — она сочетала в себе все три категории одновременно и при этом не попадала ни в одну. У неё был взгляд человека, который точно знает, зачем пришёл, и при этом она краснела от злости, как старшеклассница, которой поставили несправедливую оценку.

«Красный диплом», — сказала она тогда. Я тогда чуть не расхохотался. Красный диплом! В школе! Милая моя, твой красный диплом не стоит ничего, когда перед тобой тридцать восьмиклассников, которые только что узнали, что такое гормоны, и теперь пробуют их в действии

на всех окружающих. Но говорить этого я не стал — зачем лишать человека иллюзий? Пусть побудет в счастливом неведении хотя бы до первого урока.

Хотя, если честно, дело было не только в дипломе.

После того как я вышел из её кабинета в августе, я поймал себя на странном: я думал о ней. Не специально — просто возвращался мыслями к этой сцене, прокручивал в голове её слова, её интонации, то, как она смотрела на меня — с вызовом и страхом одновременно. Она явно меня боялась, но не так, как боялся хулигана или хама. Она боялась, что я окажусь прав. Что её методы действительно устарели. Что её советские учебники — это просто пыльные артефакты, а не кладёзь мудрости. И это было... любопытно. Потому что обычно люди, с которыми я сталкивался, либо принимали мою точку зрения сразу, либо отвергали её с порога, не вникая. А она — она засомневалась. Я видел это по её глазам.

И, конечно, волосы. Это было уже личное, почти эстетическое наблюдение. Учительницы географии не обязаны быть красивыми — это не профессиональный навык, — но когда они красивы, это как-то... сбивает с толку. Отвлекает. Я, например, до сих пор не мог вспомнить, что именно я говорил ей про гугл-карты, но отлично помнил, как в солнечном луче её волосы из чёрных стали почти фиолетовыми.

Я встряхнул головой и перевёл взгляд на монитор с камерой. Она уже была в кабинете — двигалась между партами, что-то поправляла, наклонялась, снова выпрямлялась. Я поймал себя на том, что смотрю, как она поправляет шторм, и тут же одёрнул себя. Новиков, ты совсем с катушек слетел? Она тебя отчитала за «ты», и *ты* теперь пялишься на неё через камеру, как сталкер из дешёвого триллера? Прекрати.

Я выключил камеру. Допил кофе. Открыл почту.

Через пять минут я снова включил камеру.

Она стояла у доски и что-то писала мелом. Судя по движению руки, рисовала контурную карту. От руки. Без проектора. Без интерактивной доски, которая висела у неё в кабинете и которую она, судя по всему, игнорировала напрочь. Я почти физически почувствовал, как во мне закипает профессиональное возмущение пополам с иронией. Она что, всерьёз собирается весь год рисовать мелом? В двадцать первом веке? В школе, где в каждом кабинете стоит мультимедийное оборудование, на которое спустили бюджет всего района?

Я фыркнул и наконец заставил себя выключить программу наблюдения. В конце концов, каждый сходит с ума по-своему. Если она хочет быть динозавром — пусть будет. Моё дело — серверы, платформа и девятиклассники, которые до сих пор не могут отличить «Пуск» от «Поиска».

Но вечером того же дня я снова о ней вспомнил.

Я задержался в школе — настраивал сеть для новой платформы. Работа была муторная: интерфейс платформы напоминал браузерную игру из нулевых, а документация к ней была написана, кажется, человеком, который русский язык знал только по машинному переводу. Я сидел, вчитываясь в бессвязные абзацы и тихо ненавидел министерство образования, которое в очередной раз купило кривой софт за бюджетные миллионы.

И вдруг я услышал это.

Сквозь стену — тонкую, как папиросная бумага, — донёлся женский голос. Негромкий, чуть надтреснутый на верхних нотах, но довольно приятный. Она напевала. Я прислушался.

— ...*И снится нам не рокот космодрома, не эта ледяная синева, а снится нам трава, трава у дома, зелёная, зелёная трава...*

«Земляне». Космическая классика. Советская эстрада. Я замер с недописанной строкой конфигурации на экране и прислушался. Она продолжала — тихо, явно для себя, не подозревая, что стена между нами имеет звукоизоляцию картонного стаканчика. Голос у неё был не то чтобы оперный, но очень искренний — так поют люди, которые не стесняются фальшивить, потому что уверены, что их никто не слышит.

Я улыбнулся. Потом усмехнулся. Потом откинулся на спинку стула и, глядя в потолок, прослушал ещё куплет. Трава у дома. Зелёная трава. У учительницы географии, которая только что рисовала мелом физическую карту, в голове играет «Земляне». Это было настолько в её духе, настолько неправдоподобно архаично и трогательно одновременно, что у меня не нашлось ни одной язвительной мысли. Только странное, почти забытое чувство — как будто я нашёл чью-то старую фотографию, на которой человек смеётся, и этот смех неожиданно красивый.

На следующий день мы встретились в учительской. Она стояла у шкафа с методичками, пытаясь дотянуться до верхней полки, где сиротливо лежал атлас какого-то додевоновского года издания. Я, проходя мимо, не удержался.

— Вам помочь, или вы ждёте, пока атлас сам упадёт вам на голову?

Она обернулась и посмотрела на меня с тем самым выражением, которое я уже начинал классифицировать как «смесь раздражения и готовности к обороне».

— Справляюсь, — коротко бросила она.

— Ну да, — я прислонился к соседнему шкафу, скрестив руки. — Вы же у нас адепт всего натурального. Наверное, и до верхних полок дотягиваетесь без помощи современных технологий. Может, вам лестницу сделать из старых учебников? Они у вас всё равно в количестве, превышающем разумные пределы.

Она дёрнула плечом и, проигнорировав мой комментарий, подтащила стул. Забралась на него, сняла атлас и прыгнула на пол с грацией, которая вновь напомнила мне о балете. Или о спортивном ориентировании. Или о чём-то ещё, что требовало одновременно силы и точности.

— У вас там, за стеной, вечно музыка орёт, — сказала она вдруг, даже не глядя на меня. — Если можно, сделайте потише. У меня карты сохнут, им вибрация вредна.

Я подавил смешок. Карты сохнут. Конечно.

— А у вас, — ответил я, понижая голос до конспиративного шёпота, — вечно трава у дома. Зелёная. Я уже выучил. Подпеваю.

Она замерла. Атлас в её руках дрогнул. Она медленно повернулась ко мне, и я увидел, как к её щекам приливает краска — предательская, которую она явно ненавидела в себе, но не могла контролировать.

— Вы... подслушиваете? — спросила она тихо, почти угрожающе.

— Я не подслушиваю, — я развёл руками. — Это стены такие. В старой постройке слышимость — как в концертном зале. Вы когда поёте, у меня там акустика Мариинки. Кстати, «Земляне» — отличный выбор. Вам идёт. Органично вписывается в образ «Советский педагог: реинкарнация».

Она стиснула зубы. Я видел, как желваки заходили на её скулах, и вдруг понял: она сейчас взорвётся. Это было видно по глазам — они стали ярче, глубже, как будто зрачки расширились от выброса адреналина.

— Знаете что, Владислав Николаевич, — произнесла она ледяным голосом, который, однако, дрожал на краях, — если вас так раздражает мой педагогический подход, мои песни и мои советские учебники, может, вам просто пересечь в другой конец коридора? Там, кажется, кабинет физики пустует. Будете слушать не «Землян», а скрежет металлических шариков. Вам, как информатику, должно быть ближе.

— Зачем же в другой конец? — я улыбнулся. — Мне и в своем кабинете неплохо. Соседи у меня... колоритные. Я бы даже сказал, эндемичные. Как байкальская нерпа. В других школах таких нет.

Она резко выдохнула, прижала атлас к груди — точно так же, как вчера прижимала свой конспект, — и процедила:

— Если вы закончили, я пойду. У меня уроки через два дня.

— Кстати, об уроках, — я шагнул чуть в сторону, загораживая ей проход, — как там платформа? Освоили? Или всё ещё пытаетесь загрузить план через телепатию и советскую магию?

Она поджала губы. Я попал в точку — платформа ей не далась. Это было написано у неё на лице. Вчерашние полтора часа мучений с интерфейсом, которые я краем глаза наблюдал через стену (ладно, не краем глаза, а вполне целенаправленно), дали свои плоды. Она не справилась. И теперь бесилась вдвойне: от того, что не справилась, и от того, что я это знал.

— Я разберусь, — сказала она сквозь зубы. — Пропустите.

Я отступил с лёгким полупоклоном.

— Как скажете, Екатерина Андреевна. Но если что — я всегда рад *вам* помочь. И, как вы помните, трава у дома зелёная-зелёная...

Она резко развернулась и вышла из учительской, цокая каблучками. Я остался стоять, прислонившись к шкафу, и дурацкая улыбка сама собой расплзлась по моему лицу.

Чёрт. А ведь она действительно забавная. Не «ха-ха» забавная, а какая-то... живая. В ней было то, чего я давно не встречал в учительской среде, — огонь. Да, этот огонь был направлен в основном на меня и выражался в форме праведного гнева, но лучше уж так, чем унылое безразличие, с которым большинство моих коллег проживали педагогические будни.

Я вернулся в свой кабинет, сел за компьютер и обнаружил, что снова открыл окно видеонаблюдения. Камера третьего этажа показывала пустой коридор. Тридцать шестой кабинет — дверь закрыта. Я переключил на другую камеру — лестница, холл, — и тут увидел, как она спускается, всё ещё прижимая к себе атлас. Лицо сосредоточенное, брови нахмурены. Губы шевелятся — что-то бормочет под нос.

Я прибавил громкость, хотя камера всё равно не передавала звук. Это было глупо. По-детски глупо. Я сидел в пустом кабинете и смотрел, как новенькая учительница географии спускается по лестнице, сердито бормоча себе под нос.

И тут я понял, что она опять что-то напевает.

Я не слышал, но по движению губ, по ритмичному покачиванию головы — точно напевает. Может, «Земляне». Может, что-то другое. Может, вообще не советское, а что-то современное, чего я не ожидал. Но сам факт — она злилась на меня, но всё равно шла и напевала. Как будто это был её способ справляться с миром. Спотыкаешься — пой. Тебя бесит сосед за стенкой — пой. Не можешь освоить дурацкую платформу — пой громче.

Я выключил монитор и потёр переносицу. В кабинете было тихо, только гудел сервер в углу да тикали часы над доской. Я вдруг осознал, что совершенно не помню, что собирался делать. Кажется, настраивать какую-то сетевую политику для младших классов. Или проверять обновления. Или отвечать на письмо завуча, которое висело во входящих уже второй день.

Вместо этого я пододвинул к себе клавиатуру и открыл браузер. Вбил в поисковую строку: «текст песни трава у дома». Нашёл. Пробежал глазами. Хмыкнул.

«И снится нам не рокот космодрома...»

Да уж. Что-то мне тоже начинает сниться всякое. Например, черно-сиреневые волосы и карты, нарисованные мелом.

Я захлопнул ноутбук и решил, что на сегодня хватит. Пора домой. Подальше от этого третьего этажа, тонких стен и неожиданно звучного сопрано за перегородкой.

Завтра четвёртое сентября. Первый учебный день. Настоящий. С детьми, звонками и беготнёй. И где-то в тридцать шестом кабинете Екатерина Андреевна Власова будет проводить свой первый в жизни урок. А я — делать вид, что мне совершенно не интересно, как у неё это получится.

Врать себе я умел отлично.

Глава 3. Акулы восьмого «А»

Екатерина Андреевна Власова

До звонка оставалось семь минут. Я стояла у доски и в десятый раз поправляла контурную карту, закреплённую на магнитных держателях. Карта была отличная — физическая, крупного масштаба, с выпуклыми коричневыми горами и пронзительно-синими лентами рек. Парты сияли чистотой, журнал лежал на столе идеально ровно, мои конспекты были разложены в том порядке, в каком я планировала их использовать. На подоконнике мирно зеленел хлорофитум. Глобус поблёскивал в лучах утреннего солнца.

Я была готова. Я была абсолютно, стопроцентно, красnodипломно готова.

В коридоре нарастал гул — ученики заполняли школу. Смех, топот, хлопанье дверей, обрывки разговоров. Я глубоко вдохнула и выдохнула, повторяя про себя первые слова: «Здравствуйте, ребята. Меня зовут Екатерина Андреевна, и я ваш новый учитель географии...». Нет, слишком сухо. Может, «Добрый день, давайте знакомиться»? Тоже не то. Что бы сказал мой отец? «Главное — не бойся. Они чувствуют страх, как акулы». Спасибо, пап, очень обнадеживающе.

Звонок прозвенел, и я вздрогнула так, будто это был не школьный звонок, а сигнал воздушной тревоги.

Они вошли.

Восьмой «А». Двадцать семь человек, которые, согласно школьной документации, должны были обладать базовыми знаниями по географии за пятый, шестой и седьмой классы. По программе мы начинали с темы «Геологическое строение и рельеф России». Тектонические структуры, платформы, складчатые области. Звучит сложно, но я подготовила блестящий план: начнём с карты, потом схема, потом практическая работа в контурных картах.

Двадцать семь пар глаз уставились на меня.

Вернее, не уставились. Четыре пары уткнулись в телефоны под партами. Ещё две — рассматривали что-то за окном. Трое мальчишек на задней парте пихали друг друга локтями и ржали. Девочка на первой парте старательно рисовала в тетради какие-то узоры. И только несколько человек смотрели на меня — с тем самым выражением, которого я боялась больше всего: с вежливым, терпеливым равнодушием. Мол, ну давай, рассказывай, что ты там нам приготовила.

— Здравствуйте, — сказала я и сама не узнала свой голос. — Меня зовут Екатерина Андреевна. Я ваш новый учитель географии.

Тишина. Кто-то на задней парте хрюкнул.

— Географии? — переспросила девочка с первой парты, та самая, что рисовала узоры. — А у нас до этого географии не было два года. Вообще.

Я моргнула.

— Как это — не было?

— Ну, — она пожала плечами, — учительница заболела, потом ушла, потом замены были, а на заменах мы фильмы смотрели. Про природу. И про акул. Два раза.

По классу прокатился одобрителный гул. Кто-то добавил: «Акулы крутые!», и несколько человек закивали.

— Понятно, — сказала я, чувствуя, как где-то под диафрагмой начинает натягиваться та самая струна. — Значит, начнём с азов. Это даже хорошо. Итак, тема сегодняшнего урока: «Геологическое строение территории России». Открываем тетради, записываем число и тему.

Никто не пошевелился.

— Тетради, — повторила я. — Достаём. Ручки тоже.

Мальчишка с последней парты — крупный, с коротким ёжиком светлых волос и бледными, почти прозрачными глазами — демонстративно откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— А зачем нам это?

Я замерла.

— Что значит «зачем»?

— География эта ваша, — сказал он с интонацией человека, который уже сто раз это обсуждал и устал повторять. — Нафига она вообще? Есть навигатор, есть гугл-карты, всё показывает. Куда надо — доведёт. А тектонические эти ваши... Кому они нужны?

Класс затих. Это была не обычная лень — это был искренний, почти философский вопрос. И судя по лицам остальных, они его полностью разделяли. Мальчишка ждал ответа, и в его водянистых глазах читался не вызов даже, а скука пополам с любопытством: ну-ка, попробуй объяснить, учительница, зачем мы тут сидим.

Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— География, — сказала я, — это не только про «куда повернуть». Это про понимание мира. Про то, как устроена планета, на которой мы живём. Про климат, про горы, про океаны, про...

— А я в океан не собираюсь, — перебил всё тот же парень. — Я в Питере живу. Тут до Финского залива на маршрутке полчаса. Всё, география кончилась.

Класс прыснул. Я почувствовала, как внутри что-то обрывается. Где-то в районе горла. Или чуть ниже.

— Хорошо, — сказала я сдавленным голосом. — Как тебя зовут?

— Костя.

— Так вот, Костя, — я старалась говорить спокойно, — география кончается не на Финском заливе. Она только там начинается. Но чтобы это понять, нужно хотя бы открыть тетрадь.

— А у меня тетради нет, — сообщил Костя радостно. — И ручки нет. И желания учить географию тоже нет. Можно я просто посижу?

Я сжала кулаки под столом. Педагогический университет, четыре года методик, конспекты, красный диплом — и всё это вдребезги разбилось о двадцать семь петербургских подростков, которым было плевать на тектонику. Я посмотрела на доску, где старательно вывела мелом схему «Платформа — складчатая область — щит». Ровные линии, аккуратные подписи. Красиво. Бессмысленно.

— Ладно, — сказала я, — тетрадь можно попросить у соседа. Или взять листок. Мы всё равно начнём. Итак, тема урока...

— Давайте фильм про акул, — предложил кто-то со среднего ряда.

— Точно! — оживился Костя. — Акулы — это хоть интересно. Там, кстати, акулы водятся в Тихом океане? Или в Индийском?

— Во всех, — машинально ответила я и тут же прикусила язык.

— О! — он поднял палец. — А вы говорите — география не нужна. Про акул — это же тоже география? Где водятся, где не водятся, где на них можно посмотреть. Вот это полезно.

Класс загудел. Кто-то начал обсуждать акул, кто-то — фильмы про природу, кто-то — можно ли держать акулу в аквариуме. Тема «Геологическое строение России» тихо скончалась, не дожив до первых пяти минут урока.

Я попыталась перехватить инициативу. Показала на карту. Рассказала про Уральские горы и про то, что когда-то на этом месте было древнее море. Это было интересно! Я сама себе это доказывала, пока говорила. Море! В районе Урала! Миллионы лет назад!

Костя на задней парте зевнул.

К концу урока я чувствовала себя выжатой, как тряпка после генеральной уборки. Мы кое-как доползли до конца темы, но я была уверена, что из двадцати семи человек хоть что-

то запомнили от силы пятеро. Остальные просто переждали, пересидели, перекрутились на стульях и переписали друг у друга домашнее задание, которое я дала скорее для проформы.

Звонок прозвенел. Класс оживился и начал собираться с той скоростью, с какой не собирался на урок. Костя, проходя мимо меня, хлопнул ладонью по моему столу и широко улыбнулся.

— Екатерина Андреевна, а на следующем уроке расскажете про акул? Честное слово, я тогда даже тетрадь принесу!

И вышел, не дожидаясь ответа.

Я осталась одна в опустевшем классе. Села на стул. Сняла очки, которые надела для солидности и которые мне, как выяснилось, совершенно не помогли. Положила голову на руки.

Первый урок. Первый провал.

Через пять минут в дверь постучали — вежливо, тихо, явно не Новиков. Я подняла голову и увидела Анну. Она стояла на пороге, держа в руках две чашки и вазочку с печеньем. Очки в золотой оправе чуть съехали на кончик носа, но она не поправляла их — руки были заняты.

— Я смотрю, вы дверь не закрыли, — сказала она вместо приветствия. — Это хорошо. Если бы закрыли, пришлось бы стучать ногой, а я на каблуках, так что это кончилось бы плохо для двери.

— Проходите, — ответила я безжизненным голосом.

Анна вошла, поставила чашки на стол, пододвинула стул и села напротив меня.

— Восьмой «А»? — спросила она.

Я кивнула.

— Акулы?

Я снова кивнула.

— Знаю, — она вздохнула и пододвинула ко мне чашку. — Я у них английский веду второй год. Когда они узнали, что «shark» переводится как «акула», урок превратился в обсуждение фильма «Челюсти». На английском. С тех пор я на каждый урок прихожу с запасным планом. Вот, кстати, чай. С чабрецом. И печенье.

Я взяла чашку. Руки у меня дрожали — мелко, противно. Я заметила это, только когда чай начал плескаться о края.

— У вас руки трясутся, — констатировала Анна. — Это нормально. У меня в прошлом году после первого урока с девятым «А» так тряслись, что я не могла открыть электронный журнал. Пришлось звать практиканта. Практикант испугался ещё больше меня и убежал.

— И что вы сделали? — спросила я, делая глоток. Чай был горячий, терпкий и неожиданно вкусный.

— Ничего, — Анна пожала плечами. — Просидела перемену, уставившись в одну точку. А потом пошла на следующий урок. И знаете, что? Он прошёл нормально. Не идеально, но нормально. Потому что следующий класс не знал, что предыдущий урок был катастрофой. Это, кстати, главный секрет педагогики: каждый урок — чистый лист. Дети не догадываются, что вы провалились. Если вы сами им не скажете.

— А если они сами догадаются? — спросила я.

— Не догадаются, — Анна покачала головой. — Они слишком заняты собой. И акулами. Вот увидите, завтра они уже забудут про сегодня. А вы — нет. Но это пройдёт. Честное слово, пройдёт.

Я сделала ещё глоток. Чай действительно помогал. Или не чай, а то, что рядом сидел человек, который понимал. Который сам через это прошёл — год назад, с тем же классом, с теми же акулами.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что, — Анна поправила очки и улыбнулась. — Я просто мимо шла. У меня окно. Кстати, печенье из учительской. Я реквизировала. Для нужд морально пострадавших коллег.

Я невольно усмехнулась. Кажется, впервые за последние сорок пять минут.

— Ладно, — Анна встала и одёрнула юбку. — Мне пора. У меня через десять минут десятый «Б», а они, в отличие от восьмого «А», хотят сдавать ЕГЭ. Так что будет скучно, но спокойно. А ты, Катя, выше нос. И если что — я в сорок четвёртом. И у меня всё ещё есть шоколадные конфеты. Стратегический запас на случай конца света.

Она подмигнула и вышла, цокая каблучками. Я осталась сидеть, обхватив чашку ладонями и чувствуя, как дрожь понемногу утихает.

А потом дверь открылась снова.

На этот раз без стука, без вежливого скрипа — просто открылась, и на пороге возник Владислав Новиков. В тёмной футболке с надписью «404: мотивация не найдена», с ноутбуком под мышкой и с картонным стаканчиком. Увидев меня, он на мгновение задержался, скользнул взглядом по моему лицу, по чашке, по рассыпанным на столе конспектам — и вдруг сделал то, чего я совершенно не ожидала.

Он ничего не сказал.

Ни одной колкости. Ни одного подкола. Ни единого намёка на то, что он только что видел меня в разобранном состоянии и мог бы этим воспользоваться. Он просто подошёл к моему столу, поставил передо мной картонный стаканчик с логотипом кофейни из соседнего квартала, коротко кивнул и молча вышел.

Я замерла. Стаканчик дымился. От него пахло кофе — хорошим, свежесваренным, с лёгкой карамельной ноткой. Тот самый запах, который я запомнила ещё в августе, когда он впервые вломился в мой кабинет. Только теперь этот запах не раздражал. Он просто был. Как и сам стаканчик — на моём столе, без объяснений, без комментариев.

Я протянула руку и коснулась картона. Горячий.

Это что сейчас было? Новиков, который две недели только и делал, что подкалывал меня, высмеивал мои конспекты, называл экспонатом и живым ископаемым — этот самый Новиков принёс мне кофе? Молча? Без единой шутки?

Я прокрутила в голове варианты. Вариант первый: это ловушка. Сейчас он вернётся и скажет что-нибудь вроде «Ну что, даже кофе себе сварить не можете?» Вариант второй: это не он. Может, Аня попросила? Нет, Аня была здесь только что и ушла с пустыми руками. Вариант третий: он просто шёл мимо кофейни и купил лишний. Но тогда почему он ничего не сказал? Почему не отпустил очередную шуточку? Почему просто поставил и ушёл?

Я взяла стаканчик и сделала глоток. Кофе был именно такой, какой я любила, — не слишком крепкий, чуть сладковатый, с молоком. Откуда он знает? Или это совпадение?

Из-за стены донёсся уже привычный электронный бит. Новиков включил свою музыку. Никаких комментариев, никаких стуков в стену. Просто музыка. Просто кофе. Просто сосед за стеной, который почему-то повёл себя как человек.

Я допила кофе. Посмотрела на пустой стаканчик. Потом на глобус. Глобус молчал, но в его блестящем боку отражался свет из окна — тёплый, золотистый, сентябрьский.

Этот жест был неслучайным. Я знала это. Я чувствовала это где-то в районе солнечного сплетения, где до этого дрожала та самая струна. Теперь струна не дрожала — она гудела. По-другому. Не от ярости, не от обиды, а от чего-то иного, чему я пока не могла подобрать название.

Я встала, подошла к доске и стёрла схему тектонических структур. Завтра у меня пятые классы. Совсем другие. Может, у них ещё нет вопросов про акул. Может, они ещё не разучились удивляться тому, что когда-то на месте Уральских гор плескалось древнее море.

Может, не всё потеряно.

Взгляд упал на картонный стаканчик. Я покрутила его в пальцах, разглядывая логотип кофейни — какой-то локальной, не сетевой. И тут заметила это.

На боку стаканчика маркером, размашистым почерком, было выведено всего одно слово. *«Картографу»*.

Я замерла, глядя на буквы. Картографу. Он придумал мне прозвище. Конечно. С его страстью к ярлыкам и подколам это было лишь вопросом времени. Но почему именно сейчас? Почему именно сегодня — молча, без свидетелей, на стаканчике с кофе?

Я провела пальцем по надписи. Маркер уже высох и не смазывался. «Картографу». Это звучало... иначе. Не как оскорбление, не как насмешка. Скорее как констатация факта. Ты возишься с картами — значит, Картограф. Логично. По-своему даже уважительно. В конце концов, картограф — это профессия. Серьёзная, сложная, почти исчезнувшая, но оттого не менее важная.

Я аккуратно поставила стаканчик на подоконник, рядом с хлорофитумом. Пусть стоит. Как доказательство того, что даже самый невыносимый учитель информатики на свете способен на человеческие поступки. И на удачные прозвища.

Где-то за стеной смолкла электронная музыка, и сквозь тишину донеслось знакомое мурлыканье. Он опять что-то напевал. Я прислушалась — и узнала мелодию. «Трава у дома». Он что, издевается?!

Я фыркнула. Потом улыбнулась. Потом поймала себя на том, что улыбаюсь уже какое-то неприлично долгое время, и заставила себя принять строгое выражение лица.

Я открыла ноутбук и зашла в электронную платформу. Пора уже разобраться с этим чёртовым интерфейсом. Но теперь, после кофе и неожиданного перемирия, кнопки и вкладки почему-то казались чуть менее враждебными.

Или, может, это просто кофе был действительно хороший.

Глава 4. Межпредметная провокация

Екатерина Андреевна Власова

День учителя выпал на пятницу, и это было единственным хорошим событием за последнюю неделю. Пятое октября — дата, которую я обвела в календаре ещё в сентябре, потому что в университете нам рассказывали про этот праздник как про нечто торжественное: цветы, благодарные ученики, концерт, может быть, даже слёзы умиления. На деле всё оказалось несколько иначе.

С утра в учительской царил суёт. Классные руководители носились с ведомостями, завуч оглашала список старшеклассников, которые сегодня будут вести уроки вместо учителей, а сама Тамара Васильевна стояла у окна с таким выражением лица, будто прикидывала, не уйти ли в отпуск прямо сейчас. Анна, увидев меня на пороге, призывно замахала рукой и подвинулась на диванчике, освобождая место.

— Ты уже видела расписание? — спросила она, протягивая мне листок. — Меня поставили куратором на географию. То есть на твой кабинет. А тебя — на информатику.

Я поперхнулась чаем, который только что отхлебнула из кружки с надписью «Лучшему географу» (кружку подарили семиклассники два дня назад, и я подозревала, что надпись была иронической).

— Меня — на информатику? — переспросила я.

— Именно, — Анна поправила очки. — Ты и Владислав Николаевич. Он, кстати, будет на географии. Кажется, это не случайное совпадение.

Я медленно опустила кружку на стол.

— Тамара Васильевна решила устроить нам перекрёстный допрос?

— Тамара Васильевна решила, что учитель информатики должен проконтролировать, как старшеклассники справляются с географией, а учитель географии — как они справляются с информатикой, — Анна хмыкнула. — Логика железная. Прямо как твои тектонические плиты.

Я застонала и уткнулась лбом в ладонь. Прошёл месяц с начала учебного года, а Новиков продолжал быть моей личной головной болью. После того случая с кофе в первую неделю он, казалось, взял паузу на пару дней, и я почти поверила, что между нами установился хрупкий нейтралитет. А потом он явился ко мне с очередной порцией шуток про «бумажную картографию», и я поняла: нейтралитет кончился. Вернее, он и не начинался. Тот кофе был не перемием, а единичным актом милосердия, за которым последовали новые боевые действия.

— Не переживай, — Анна легонько пихнула меня плечом, — я буду рядом. Если что — вытащим тебя из компьютерного класса под белы ручки.

— Лучше вытащите из моего кабинета кое-кого другого, — пробурчала я.

Первые три урока прошли на удивление спокойно. Старшеклассники, которым доверили младшие классы, ответственно готовились к занятиям, и я, обходя кабинеты с проверкой, видела через стёкла дверей вполне благопристойную картину. В одном классе десятиклассница объясняла пятиклашкам дроби, в другом — парень в очках старательно диктовал правила по русскому языку. Даже Костя из восьмого «А» (того самого, с акулами) на удивление тихо сидел на уроке биологии и что-то даже записывал. Я позволила себе расслабиться.

Зря.

На большой перемене ко мне подбежала запыхавшаяся Анна.

— Катя! — выдохнула она, хватая меня за локоть. — Там такое...

— Что? — я мгновенно напряглась.

— Четвёртым уроком у тебя в кабинете география у девятого «Б». Вести будет Миша Громов из одиннадцатого. А в роли ученика...

— Новиков, — закончила я. — Догадалась.

— Не просто Новиков, — Анна понизила голос до трагического шёпота. — Он уже там. Я заглянула. Он сидит за третьей партой, подпёр голову рукой и смотрит на Мишу с таким выражением, будто сейчас начнёт задавать вопросы про чёрные дыры.

— Это география, — напомнила я. — А не астрономия.

— Думаешь, его это остановит?

Я не думала. Я рванула к своему кабинету со скоростью, которой позавидовал бы спринтер на стометровке. Анна неслась следом, цокая каблуками, как пулемётная очередь.

В кабинет географии мы вошли ровно в тот момент, когда Миша Громов — долговязый отличник с вечно спадающими на глаза русыми прядями — пытался объяснить тему «Климатические пояса Земли». У доски он держался вполне прилично, хотя я заметила, как пальцы у него слегка подрагивают, когда он водит указкой по карте. А за третьей партой, вольготно развалившись на двух стульях сразу, сидел Владислав Новиков. На нём сегодня была футболка с надписью «Ошибка 404: совесть не найдена», что уже само по себе настраивало на определённый лад.

— Итак, — говорил Миша, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, — экваториальный климатический пояс характеризуется высокими температурами в течение всего года и обильным количеством осадков...

— Простите, — рука Новикова взметнулась вверх, как ракета на старте. — Можно вопрос?

Миша запнулся. Стоявшие у доски девятиклассники переглянулись — они явно знали Владислава Николаевича как учителя информатики и теперь пребывали в лёгком недоумении.

— Д-да, — выдавил Миша. — Задавайте.

Новиков поднялся. Неторопливо, с достоинством человека, который собирается обрушить на голову оппонента всю мощь своего интеллекта.

— Скажите, пожалуйста, уважаемый коллега, — начал он, и я сразу поняла: это будет цирк, — а как соотносятся экваториальные осадки с парниковым эффектом? С точки зрения информационных технологий, разумеется.

Класс замер. Миша открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Информационных технологий? — переспросил он.

— Ну да, — Новиков вышел из-за парты и начал прохаживаться вдоль доски с видом лектора на симпозиуме. — Вы говорите — осадки. А как их измеряют? Датчиками. Датчики передают данные на сервер. Сервер обрабатывает. Это же чистый Big Data⁴. Неужели вы, как будущий выпускник, не видите межпредметных связей?

— Я... — Миша бросил отчаянный взгляд в мою сторону, — я вижу, но...

— А ещё мне интересно, — Новиков остановился и прищурился, глядя на карту, — почему на этой карте климатические пояса раскрашены в разные цвета? Это что за цветовая дифференциация? Есть ли у неё научное обоснование или это просто дизайнерское решение? Кто утверждал палитру? Где протокол?

Я стояла у двери, сжимая кулаки, и чувствовала, как внутри закипает знакомая смесь ярости и бессилия. Он делал это специально. Он превращал урок географии в театр одного актёра, и бедный Миша, который готовился к этому дню две недели, сейчас выглядел так, будто его только что спросили про квантовую физику на экзамене по литературе.

— Владислав Николаевич, — произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри у меня всё клокотало, — может, дадим молодому коллеге закончить мысль?

⁴ Big Data — термин, который означает «большие данные». Так называют массивы информации значительного объёма, независимо от её типа и структуры.

Новиков обернулся ко мне. В зелёных глазах плясали черти — те самые, предвестники катастрофы. Он развёл руками с видом оскорблённой невинности:

— А я что? Я просто интересуюсь. Имею право как ученик. У нас, между прочим, личностно-ориентированный подход. ФГОС. Сами же говорили.

— Вы не ученик! — прошипела я, делая шаг вперёд. — Вы учитель информатики, который срывает урок географии. Это называется...

— Межпредметная провокация, — подсказала Анна из-за моей спины, и в её голосе явственно слышался сдерживаемый смех.

— Вот! — Новиков ткнул пальцем в Анну. — Коллега понимает. Межпредметная провокация. Это новый педагогический метод. Разрабатываю. Запатентую — и на пенсию.

Класс грохнул. Девятиклассники уже откровенно веселились, забыв про климатические пояса. Миша стоял у доски с указкой, и вид у него был такой, будто он сейчас заплачет или выпрыгнет в окно.

Я сделала глубокий вдох. Выдох. Посчитала до десяти. Досчитала до двадцати. Не помогло.

— Значит так, — сказала я, и мой голос прозвучал настолько холодно, что класс мгновенно притих. — Уважаемый «ученик» Новиков, если вам так интересна география, предлагаю вам выйти к доске и самому рассказать про климатические пояса. А мы с коллегами послушаем. И оценим. С пристрастием.

В классе повисла тишина. Новиков на мгновение замер, и я увидела, как в его глазах мелькнуло удивление — он явно не ожидал, что я перейду в контратаку. Но уже в следующую секунду улыбка вернулась на его лицо — ещё шире, ещё нахальнее.

— С удовольствием, — сказал он, шагнул к доске, взял указку из рук ошарашенного Миши и повернулся к классу. — Итак, дети, записываем. Экваториальный пояс. Температура — как в серверной без кондиционера. Осадки — как от слёз пользователей, которым пришёл счёт за интернет. Субэкваториальный пояс...

— Владислав Николаевич! — рявкнула я.

— ...характеризуется сезонными колебаниями, — продолжал он, нимало не смущаясь, — как производительность моего компьютера, когда я пытаюсь запустить новую платформу. Тропический пояс — это вообще чистая Сахара. Как в моём кабинете, когда вы, Екатерина Андреевна, проходите мимо с картами и не здороваетесь.

Я задыхнулась от возмущения. Анна за моей спиной издала какой-то странный звук — то ли кашель, то ли подавленный хохот.

— Умеренный пояс, — Новиков ткнул указкой в карту, — это мы с вами. Петербург. Дождь, серое небо, все грустят. Идеально подходит для того, чтобы сидеть в тридцать седьмом кабинете и слушать, как соседка за стеной поёт про траву у дома.

Вот теперь я точно покраснела. Я чувствовала, как жар приливает к щекам, к ушам, к шее. Он упомянул моё пение. При всём классе. При Анне. При Мише, который всё ещё стоял у доски с потерянным видом.

— И наконец, — Новиков драматически взмахнул указкой, — арктический пояс. Холодно. Очень холодно. Почти как ваш взгляд, Екатерина Андреевна, когда я...

— ВСЁ! — я хлопнула ладонью по столу. — Урок окончен. Спасибо, Михаил, вы отлично справились. Владислав Николаевич, вас ждут в кабинете информатики. Там, кажется, у вас четвёртым уроком тоже самоуправление. Идите. Немедленно.

Новиков аккуратно положил указку на стол, поклонился — театрально, с прижатой к груди рукой — и направился к выходу. Проходя мимо меня, он на секунду замедлил шаг и прошептал — так тихо, что услышала только я:

— ...захожу в ваш кабинет.

Он вышел, захлопнув дверь.

Я стояла, вцепившись в край стола, и считала про себя по-фински — этот метод релаксации мне однажды посоветовала Аня. Yksi, kaksi, kolme... Не работало.

— Екатерина Андреевна? — подал голос Миша. — Мне можно идти?

— Идите, — выдохнула я. — Вы молодец, Миша. Правда. Просто некоторые люди... некоторые коллеги...

— Я понял, — Миша криво улыбнулся. — Владислав Николаевич просто... ну...

— Невыносим? — подсказала я.

— Я хотел сказать «специфический», — дипломатично ответил Миша и поспешил ретироваться.

Когда класс опустел, Анна подошла ко мне и протянула шоколадку, которую, видимо, извлекла из какого-то тайного кармана своего безупречного жакета.

— Держи, — сказала она. — Экстренная помощь.

Я молча развернула фольгу и откусила сразу половину.

— Это ещё не всё, — добавила Анна с мрачным торжеством. — Через пятнадцать минут у тебя урок информатики в тридцать седьмом кабинете. И там, если я правильно понимаю расписание, будет вести Лена Соколова из десятого «А». А в роли ученика будешь ты.

Я перестала жевать.

— Я?

— Ты. Тамара Васильевна распорядилась.

— Но я же куратор!

— Ты куратор в своём кабинете, — Анна поправила очки, — а в тридцать седьмом ты — ученица. Так что доедай шоколадку и готовься. Чую, это будет ответный удар.

Я посмотрела на шоколадку. Потом на карту климатических поясов. Потом на дверь, за которой только что скрылся мой личный враг.

— Аня, — сказала я, — у меня есть план.

— Опасный?

— Гениальный.

Через пятнадцать минут я сидела за второй партой в кабинете информатики. Вокруг меня расселись девятиклассники — ещё один девятый класс, на этот раз «В», — и все они с любопытством косились на учительницу географии, которая вдруг превратилась в ученицу. У доски стояла Лена Соколова — серьёзная девочка с аккуратной косой и в очках, которые делали её похожей на юную Аню, только без золотой оправы. Она готовилась рассказывать про системы счисления. Двоичный код, восьмеричный, шестнадцатеричный — всё то, в чём я разбиралась примерно так же хорошо, как в квантовой механике.

Новиков сидел за учительским столом, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди. Он улыбался — той самой улыбкой, которая означала: «Я контролирую ситуацию». Браслет на его запястье поблёскивал в свете мониторов.

— Итак, — начала Лена, — сегодня мы поговорим о двоичной системе счисления. Двоичная система использует только два символа: ноль и единицу. Весь мир компьютеров построен на этих двух цифрах.

Она повернулась к доске и начала писать пример. И в этот момент я подняла руку.

— Да? — Лена обернулась.

— Можно вопрос?

Новиков приподнял бровь. Я заметила, как он чуть подался вперёд — явно почувал неладное.

— Конечно, — Лена кивнула.

— Скажите, пожалуйста, — я сделала паузу, копируя ту самую интонацию, с которой Новиков полчаса назад говорил про парниковый эффект, — а какое отношение двоичная

система имеет к реальной жизни? Если я, допустим, иду по улице, мне нужно переводить номера домов в двоичный код? Или, может, в магазине ценники в двоичной системе? А то я не вижу межпредметных связей. С географией, например.

В классе кто-то хихикнул. Новиков перестал улыбаться.

— Ну... — Лена замешкалась, — двоичная система лежит в основе работы всех компьютеров...

— Ах, компьютеров! — я всплеснула руками. — Так это всё для компьютеров? А для людей? Вот смотрите: я — обычный пользователь. Я нажимаю кнопку «пуск». Где там двоичная система? Я её не вижу. Может, её вообще нет? Может, это миф, придуманный программистами, чтобы казаться умнее?

С задней парты донёсся сдавленный смех. Кто-то из девятиклассников зашептал: «Географичка жжёт». Я краем глаза заметила, как Анна, стоящая у двери в качестве куратора, прикрыла рот ладонью — то ли в ужасе, то ли в восторге.

— Екатерина Андреевна, — раздался голос Новикова, — может, не будем срывать урок?

— А я не срываю, — я обернулась к нему и одарила самой невинной улыбкой, на которую была способна. — Я просто интересуюсь. Имею право как ученица. У нас, между прочим, личностно-ориентированный подход. Сами же говорили.

Новиков прищурился. Я видела, как в его глазах мелькнуло что-то новое — не раздражение, не злость, а скорее восхищение пополам с азартом. Он понял, что я делаю. И он не мог мне помешать — не нарушая правил игры, которую сам же и начал.

Лена тем временем попыталась вернуть контроль над классом:

— Хорошо, давайте на примере. Вот число пять в двоичной системе...

— А почему пять? — снова я. — Почему не шесть? Шесть — красивое число. Делится на два, на три. А пять — простое. Вы хотите сказать, что компьютеры любят простые числа? У них что, вкус есть?

— Екатерина Андреевна, — голос Новикова стал ниже, — может, вы всё-таки дадите Лене довести урок до конца?

— О, конечно, — я снова изобразила невинность, — просто я подумала: раз уж мы говорим о системах счисления, может, стоит обсудить и другие системы? Например, систему координат? Она, кстати, используется в навигации. А навигация — это география. Вот вам и межпредметная связь. В отличие от парникового эффекта и Big Data.

Я выделила последние слова, и Новиков это заметил. Его челюсть слегка сжалась. Я попала в цель.

— Если позволите, — сказала я, поднимаясь с места и выходя к доске, — я могу объяснить. Вот, смотрите. Система координат — это тоже своего рода двоичный код. Широта и долгота. Два числа. Два символа. И с их помощью можно описать любую точку на планете. От Северного полюса до Южного. От Питера до Австралии. И никакой компьютер не нужен — достаточно карты, карандаша и базовых знаний географии.

В классе повисла тишина. Лена смотрела на меня с открытым ртом. Анна у двери беззвучно аплодировала, не отрывая ладоней друг от друга.

Я повернулась к Новикову и посмотрела ему прямо в глаза.

— Вот видите, Владислав Николаевич, — сказала я, — география и информатика не так уж далеки друг от друга. Просто некоторые предпочитают задавать глупые вопросы про климатические пояса, вместо того чтобы увидеть общее. А общее — оно есть. Если захотеть.

Он молчал. Впервые за всё время нашего знакомства он молчал, и в его зелёных глазах не было ни насмешки, ни превосходства. Он смотрел на меня — изучающе, пристально, будто впервые увидел. И в этом взгляде было что-то такое, отчего у меня вдруг пересохло в горле.

— Bravo, — сказал он наконец. — Просто bravo.

И захолопал. Один. Два. Три хлопка. К нему присоединились девятиклассники, и через секунду весь кабинет рукоплескал. Лена, кажется, тоже хлопала — просто за компанию.

Я вернулась на своё место, чувствуя, как колотится сердце, и поймала взгляд Ани. Она показала мне большой палец и одними губами произнесла: «Ты — гений».

Урок закончился. Я вышла из кабинета на ватных ногах. В коридоре меня догнал Новиков.

— Екатерина Андреевна, — сказал он, и я остановилась, не оборачиваясь. — Это было эффектно. Я впечатлён.

Я медленно повернулась.

— Взаимно, — ответила я. — Вы тоже устроили незабываемое шоу. Надеюсь, вам понравилось.

— Очень, — он улыбнулся, но теперь в его улыбке было что-то другое. — Но должен предупредить: войну объявили вы. Я просто ответил.

— Никакой войны, — я пожала плечами. — Просто урок географии. И урок информатики. Всё по ФГОС.

Я развернулась и пошла по коридору к своему кабинету, чувствуя спиной его взгляд. Он смотрел мне вслед — я знала это точно, хотя и не оборачивалась.

После уроков состоялся праздничный концерт. Актальный зал гудел, как улей перед рое-нием: младшие классы расселись в первых рядах, старшекласники оккупировали задние, а учителя чинно расположились сбоку, на специально выставленных стульях. Я оказалась между Анной и пожилой учительницей математики, которая тут же задремала под шум.

Концерт был стандартным: первокласники читали стихи про учителей, путаясь в строчках, хор исполнял «Школьные годы», а ведущие — двое одиннадцатикласников — отчаянно шутили, пытаясь растормошить зал. Я почти расслабилась, предвкушая скорое возвращение домой, где меня ждали тапочки, плед и заслуженная чашка какао, — как вдруг на сцену вышли трое.

Костя из восьмого «А», его однокласник Лёша и девочка по имени Вероника, которую я знала как тихую отличницу с первой парты. В руках у Кости был игрушечный компас размером с обеденную тарелку. У Лёши — картонный планшет с нарисованным от руки логотипом «Навигатор». У Вероники — листок с текстом.

— Уважаемые учителя! — объявил Костя. — Мы подготовили для вас сценку. Называется «Компас против навигатора».

Я мгновенно перестала расслабляться.

— Жили-были два путешественника, — начала Вероника. — Один старый, мудрый, с компасом. А другой молодой, продвинутый, с навигатором. И поспорили они однажды, кто быстрее найдёт дорогу до школы.

На сцену вышли ещё двое — кажется, из девятого «Б». Один был наряжен в смешную бороду из ваты и держал в руках компас. Второй был в тёмных очках и с настоящим смартфоном, на котором был включён какой-то навигатор.

— Я компас! — провозгласил «старый». — Мне не нужны спутники и батарейки! Я работаю по магнитному полю Земли! Я проверен веками!

— А я навигатор! — парировал «молодой». — Я показываю пробки, кафе и заправки! У меня голосовой помощник! Куда ты без меня, дедушка?

Зал оживился. Учителя заулыбались, а математичка проснулась и теперь подслеповато щурилась на сцену. Я сидела, вцепившись в подлокотники, потому что предчувствовала: эта сценка неспроста.

И точно. «Компас» и «Навигатор» начали спорить. Они говорили что-то про карты, про гугл, про то, что «без бумажки ты никто», а «с бумажкой — динозавр». Потом они начали

двигаться по сцене, изображая, как идут через леса, горы и болота, и постоянно сбивались с пути. Компас вёл в одну сторону, навигатор — в другую. Дети хохотали.

А потом Костя вышел на середину сцены и громко, перекрывая шум, объявил:

— И тогда они поняли, что поодиночке им не справиться! Потому что компас без навигатора — это просто магнит, а навигатор без компаса — это телефон без связи! И только вместе они — сила!

— Особенно если компас принадлежит учительнице географии, — добавил Лёша, и я почувствовала, как сердце ушло в пятки, — а навигатор — учителю информатики!

Зал взорвался. Учителя смеялись, дети хлопали, а я медленно вжалась в стул, мечтая провалиться сквозь землю, сквозь актёрский зал, сквозь школьный подвал — прямо в тектонический разлом.

— География и информатика! — продолжала Вероника. — Компас и навигатор! Екатерина Андреевна и Владислав Николаевич! Два полюса, две стихии, две операционные системы!

Краем глаза я видела, как Новиков, сидящий через несколько стульев от меня, откинул голову назад и хохотал. Не ехидно, не с превосходством — он хохотал искренне, от души, и у него даже плечи тряслись. Анна рядом со мной кусала губу и делала вид, что поправляет причёску, но я видела, что она вот-вот прыснет.

Сценка закончилась. Дети поклонились, сорвали аплодисменты и убежали за кулисы. Я сидела, глядя прямо перед собой, и пыталась осознать: весь этот месяц, пока мы с Новиковым вели свою личную холодную войну, школа наблюдала. Школа делала выводы. Школа превратила нас в персонажей.

— Катя, — прошептала Анна, — у тебя такое лицо, как будто ты только что увидела призрак Ушинского.

— Хуже, — прошептала я в ответ. — Я увидела наш с Новиковым фанфик в исполнении восьмого «А».

— Это не фанфик, — Анна покачала головой. — Это народное творчество. А оно, знаешь ли, редко ошибается.

Вечером мы сидели у Анны в квартире.

Это была та самая уютная квартира с видом на Неву, куда она пригласила меня после линейки 1 сентября, и с тех пор я успела полюбить это место. Книжные полки, заставленные томиком на английском, коллекция чайных кружек с котами, мягкий клетчатый плед на диване и запах ванили — кажется, Анна пекла печенье по утрам. За окном сгущались питерские сумерки, и огни набережной отражались в тёмной воде.

Я сидела, поджав ноги, на диване и допивала уже третью кружку чая с чабрецом. Анна устроилась в кресле напротив, скинула туфли и теперь массировала уставшие ступни.

— Если бы мне кто-то месяц назад сказал, что я буду сидеть в конце Дня учителя и обсуждать школьную сценку про меня и Новикова, — я бы рассмеялась этому человеку в лицо.

— А теперь? — Анна улыбнулась.

— А теперь мне хочется смеяться, плакать и увольняться одновременно.

— Ну, увольняться не надо, — Анна отхлебнула чай. — Если ты уволишься, кто будет ставить на место зазнавшихся информатиков? Я, что ли? У меня нет твоего таланта к публичным разгромам.

Я фыркнула.

— Публичный разгром? Я просто задала пару вопросов.

— Ты задала «пару вопросов» так, что Новиков замолчал, — Анна подняла палец. — Это, знаешь ли, достижение. Он с твоего появления ни разу не замолкал. Даже когда Тамара Васильевна делала ему замечание за опоздание, он умудрился ответить шуткой. А тут — замолчал. И захолопал. Я думала, у меня сердце остановится.

Я покачала головой и уставилась в кружку.

— Он невыносим, Ань. Он правда невыносим. Каждый раз, когда я думаю, что мы достигли дна, он пробивает очередной тектонический слой. Сегодня на географии он устроил такое, что бедный Миша чуть не заплакал. Он превращает мои уроки в стендап-шоу.

— Да, — согласилась Анна. — Но ты превратила его урок в презентацию по географии. По-моему, счёт ровный.

— Не в счёте дело, — я вздохнула. — Дело в том, что он... он...

— Он тебе нравится, — сказала Анна.

Я подавилась чаем.

— Что?!

— Я серьёзно, — Анна сняла очки и начала протирать стёкла краешком пледа. — Ты можешь сколько угодно говорить, что он невыносим, что он бесит, что он превращает твою жизнь в хаос. Но я видела твоё лицо, когда он захлопал. И я видела его лицо, когда ты встала и пошла к доске. Это не лица двух людей, которые друг друга ненавидят.

— А какие это лица? — спросила я тихо.

— Это лица двух людей, которые... — Анна надела очки и посмотрела на меня серьёзно, — ...которые ещё не поняли, что с ними происходит.

Я молчала. Чай остывал в кружке.

— Он назвал меня Картографом, — сказала я вдруг.

— Что?

— Ещё в первую неделю. Он принёс мне кофе и написал на стаканчике «Картографу». Я никому не говорила.

Анна откинулась в кресле и сложила руки на груди. На её лице появилось то самое выражение, с которым она обычно начинала уроки в сложных классах, — терпеливое, мудрое, чуть ироничное.

— Ну вот, — сказала она. — А ты удивляешься, что дети поставили сценку про компас и навигатор. Катя, вся школа видит то, чего вы сами видеть отказываетесь.

— Да что видеть-то?! — я всплеснула руками. — Он мне прохода не даёт! Он заходит в мой кабинет без стука, читает мои конспекты, называет экспонатом, срывает уроки и поёт за стеной советские песни!

— И приносит кофе, — добавила Анна. — И пишет прозвища на стаканчиках. И замолкает, когда ты его переигрываешь. И смотрит на тебя так, как будто ты — самая интересная вещь в этой школе.

Я закрыла лицо ладонями.

— Это просто... я не знаю... тактический приём. Он меня изучает. Он сам сказал: «Буду заходить — изучать».

— Конечно, — Анна кивнула. — Изучает. Месяц. С пристрастием. С кофе и серенадами. Знаешь, мой бывший парень меня так не изучал, как этот твой информатик.

— Он не мой, — глухо сказала я из-под ладоней.

— Ну да, ну да, — Анна встала, подошла ко мне и села рядом на диван. — Слушай, Катя. Я не знаю, что там у вас будет дальше. Может, он действительно просто развлекается. Может, ему скучно, и он нашёл в тебе живую мишень. Но я видела много учителей, и я видела много отношений между ними. И то, что происходит между вами, — это не просто война. Это что-то более сложное. И мне кажется, ты это знаешь.

Я опустила ладони и посмотрела на неё.

— Что ты предлагаешь?

— Ничего, — она пожала плечами. — Просто наблюдать. И не врать себе. Ты можешь сколько угодно злиться на него — это нормально, он правда бывает невыносим. Но не делай

вид, что тебе всё равно. Потому что это уже неправда. И он, кстати, тоже не делает вид, что ему всё равно.

Я вздохнула и откинулась на спинку дивана. За окном просигналил катер на Неве. В комнате было тепло и пахло ванилью.

— Ладно, — сказала я наконец. — Наблюдать.

— Наблюдать, — подтвердила Анна. — А если что — у меня есть ещё печенье.

Она встала и пошла к кухонному шкафу, а я осталась сидеть, глядя на своё отражение в тёмном окне. Там, в стекле, я видела усталую девушку с растрёпанными волосами, в которых даже в полумраке комнаты угадывался тот самый отлив. И я вдруг поймала себя на мысли, что думаю не о сценке, не о разгроме на информатике, не о климатических поясах и не об акулах.

Я думала о том, как он захлопал.

Глава 5. ИИ-раб

Владислав Николаевич Новиков

Школа постепенно входила в свою привычную осеннюю колею: звонки, тетради, вечные «забыл / не сделал / нет ручки». Дети обтрепали новенькие рюкзаки, учителя — голосовые связки. В коридорах уже не пахло краской, зато устойчиво поселился аромат школьных обедов, мокрых курток и дешёвого кофе из автомата — того самого, который, кажется, варили из старых шин и сожалений.

Я сидел в своём кабинете, делал вид, что проверяю девятые классы, а на самом деле слушал, что происходит за стеной. Потому что за стеной, в тридцать шестом, шёл урок восьмого «Б», и Екатерина Андреевна Власова, моя соседка и личный источник профессионального раздражения, пыталась объяснить этим детям литосферные плиты.

Я не специально подслушивал. Честное слово. Но стены здесь были тоньше, чем мотивация старшеклассников в понедельник утром. Я слышал каждое слово, каждый вздох, каждое шарканье ногой по полу. Если бы я захотел, я мог бы на слух составить карту перемещений любого ученика. Но я не хотел. Я просто сидел и... ладно, подслушивал.

— ...итак, литосферные плиты — это крупные блоки земной коры, которые находятся в постоянном движении, — голос Кати звучал напряжённо, с той вымученной бодростью, которую я отлично узнал за месяц соседства. Она так говорила, когда пыталась достучаться до класса, где её уже не слушали. — Скорость движения — несколько сантиметров в год. Например, Индостанская плита движется на север и сталкивается с Евразийской, образуя Гималаи.

— А чего они такие медленные? — донёсся ленивый голос с задней парты. — У меня телефон быстрее заряжается.

Класс гоготнул. Я невольно усмехнулся. Незнакомый остряк заслуживал похвалы — хотя бы за тайминг. Я представил, как Катя сейчас закатывает глаза. У неё это хорошо получалось.

— Потому что, — голос Кати стал жестче, почти как у моего командира роты на военной кафедре, — геологические процессы не сравнимы с зарядкой телефона. Это миллионы лет. Но если вам так интересны скорости, можете представить, что плиты движутся примерно с той же скоростью, с какой растут ваши ногти.

— Фу, — сказала какая-то девочка.

— Именно, — отрезала Катя. Я почти видел, как она расправляет плечи. — Но эти медленные движения приводят к землетрясениям, цунами и извержениям вулканов. Так что ногти тут ни при чём. Записываем схему.

Я откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Она рисовала мелом на доске — я слышал характерный скрип, который у меня лично вызывал примерно те же ощущения, что стоматологическое сверло. Но она, кажется, находила в этом музыку. Странная женщина.

Я мог бы её пожалеть. Честно пытался. Но где-то глубоко внутри, в том самом месте, где у нормальных людей живёт сострадание, у меня поселился ехидный червь, и он требовал зрелищ. Однако сегодня даже червь притих. Потому что её голос звучал... устало. Не раздражённо, не зло — именно устало. Как у человека, который пытается зажечь спичку в пустом колодце.

Я посидел ещё минуту, потом не выдержал. Тихо подошёл к двери, приоткрыл её на пару сантиметров и выглянул в коридор. Дверь Катиного кабинета тоже была приоткрыта — для проветривания. Я сделал вид, что иду к кулеру (хотя кулер был в противоположном конце коридора, но кто бы проверял), и на пару секунд замер, бросив взгляд внутрь.

Картина была унылой. До живописности ей не хватало только дождя за окном и чайки, которая прокричала бы что-то траурное.

Катя стояла у доски, вся в белом мелу, с указкой в руке. Волосы сегодня были собраны в высокий пучок — строго, по-учительски. На ней был тёмно-серый кардиган поверх белой

блузки. Сзади, на доске, красовалась нарисованная от руки схема: разноцветные блоки, стрелки, подписи. Аккуратно. Красиво. Совершенно бесполезно.

Потому что класс её не слушал.

Два мальчика на последней парте рубились в телефонах, прикрывшись тетрадами. Девочка с первой парты рисовала что-то в блокноте — явно не схему литосферных плит. Ещё трое перешёптывались, поглядывая на Катю с откровенной скукой. И только одна девочка на среднем ряду старательно перечерчивала схему в тетрадь — видимо, единственная, кто вообще понял, зачем сюда пришёл.

Катя повернулась к классу, и я увидел её лицо. Усталое. С лёгкими тенями под глазами. С закушенной губой — привычка, которую я уже подметил, когда она злилась или расстраивалась. Сейчас было второе. Она достучаться не могла. И это её убивало.

Я вернулся к себе, закрыл дверь и уставился в монитор. Перед глазами всё ещё стояла её схема. И её лицо. Почему-то именно лицо — не раздражённое, не злое, а какое-то... потерянное.

— Чёрт, — сказал я вслух. — Новиков, ты sentimentalный идиот.

Потому что вместо того чтобы порадоваться её неудаче (а это был бы справедливый реванш за тот публичный разнос в День учителя, который она мне устроила на информатике, и за тот момент, когда она меня «переиграла» перед всем классом), я вдруг понял, что хочу ей помочь. Не так, как тогда с кофе — молча и исподтишка. А по-настоящему. Потому что её метод был не просто старомодным — он был неэффективным для этих детей. И она сама это знала, но не признавала. Упрямство — её второе имя после «Картограф».

Я посидел минуту, глядя в потолок. Потом открыл браузер и начал колдовать.

Идея пришла быстро. Я работал в школе пять лет и за это время успел возненавидеть стандартные тесты, параграфы и конспекты с такой же страстью, с какой Катя, видимо, любила свою географию. Детям было скучно. Учителям — тоже. Но если нельзя победить скуку, её можно перехитрить. И я знал как.

Я откинулся на спинку и прищурился. Мемы. Дети живут мемами. Они цитируют их на переменах, они отправляют их друг другу в чатах, они даже отвечают ими на уроках, когда им задают вопрос, на который они не знают ответа. А если добавить к мемам немного полезной информации, замаскированной под шутку...

— Гениально, — сказал я себе. — Новиков, ты гений.

Через полчаса у меня был готов интерактивный квиз. Я назвал его «Литосферные плиты в мемах» — без пафоса, без зауми, именно так, как это мог бы назвать среднестатистический восьмиклассник. Вопросы были дурацкими, на грани фола, но абсолютно по делу.

Вот, например: «*Что движется медленнее всего?*» Варианты: «Тихоокеанская плита», «Индостанская плита», «Ваша скорость чтения домашнего задания», «Плитка шоколада». Правильный ответ — третий вариант, и после него всплывало короткое объяснение: «*Скорость движения плит — 2–10 см в год. Это медленнее, чем вы читаете параграф. Правда, обидно?*» Или: «*Что происходит на границе двух плит?*» Варианты: «Дружба», «Война», «Землетрясение», «Всё вышеперечисленное». Правильный ответ — «Всё вышеперечисленное», и пояснение: «На границах плит либо раздвижение (дружба), либо столкновение (война), либо трение (землетрясение). Геология — это драма, а не скучная наука».

И мой любимый: «*Почему Индостанская плита столкнулась с Евразийской?*» Варианты: «Из-за гравитации», «Потому что не было навигатора», «Она заблудилась по пути в Африку», «Их поссорили тектонические силы». Правильный ответ — второй, и под ним картинка с компасом и подписью: «А вы говорите, география не нужна. Вот бы у этой плиты был навигатор — не было бы Гималаев».

Я добавил туда картинки: Платона с указкой (источник — «Платон — мой друг, но истина дороже»), мемного кота на фоне вулкана, смешную схему с подписью «Когда ты узнал, что материки двигаются, а ты нет». В конце каждого вопроса — короткое, но чёткое объяснение. Потому что моя задача была не просто рассмешить, а чтобы они *запомнили*. Чтобы через неделю на контрольной Костя вспомнил не скучную схему из учебника, а кота с вулканом. И тогда я, может быть, перестану чувствовать себя бесполезным аййтишником в храме классической педагогики.

Я запустил квиз на своей тестовой платформе (сервер гудел от возмущения, но я его быстро успокоил), сгенерировал короткую ссылку и создал анонимный почтовый ящик на левом сервисе. Потом сел и написал письмо на школьную почту Кати. Рука дрогнула только один раз.

«Екатерина Андреевна, здравствуйте. Это ваш тайный поклонник из мира IT. Ваши уроки — классика, но классику иногда нужно разбавлять. Попробуйте вот это. Дети будут в восторге, вы — в шоке. Не благодарите. Ваш ИИ-раб».

Я нажал «отправить», откинулся на спинку и снова прислушался к стене. Урок уже закончился, в коридоре гремела перемена — топот, крики, звонок, снова топот. Катя, судя по шагам, ушла в учительскую. Оставалось ждать.

Я ждал до самого вечера. Домой не торопился — всё равно делать нечего, а завтра с утра нужно было проверить сеть после обновления (которое я, конечно же, запланировал на ночь, потому что кто ещё будет этим заниматься). Сидел, настраивал расписание, краем уха слушая, не раздастся ли из-за стены звук открываемого ноутбука.

И дождался.

Около шести вечера, когда школа почти опустела и даже тётя Зина ушла домой, я услышал, как Катя вернулась в свой кабинет. Ключи звякнули привычно — она всегда вешала их на один и тот же крючок, я уже знал этот звук. Дверь скрипнула, потом — тишина. А через минуту — негромкий, удивлённый выдох.

Я не удержался. Открыл программу видеонаблюдения, переключил на камеру в её кабинете. Она давала отличный обзор на учительский стол.

Катя сидела перед ноутбуком, расправив плечи, как перед боем. Сначала — сосредоточенное лицо. Потом брови взлетели вверх. Она читает моё письмо. Хмурится. Губы шевелятся — кажется, она произносит: «Какой идиот». Перечитывает «не благодарите» и «ваш ИИ-раб». Щёки чуть розовеют — то ли от возмущения, то ли от смущения.

Потом она щёлкает по ссылке, и на экране появляется первый вопрос с мемом про пиццу. Я видел, как её лицо меняется: сначала лёгкое недоумение, потом невольная усмешка, которую она пытается спрятать, закусив губу. Потом — любопытство. Она листает дальше, и в глазах загорается тот самый огонь, который я уже успел заметить в ней за месяц соседства. Она же Картограф — она не может пройти мимо карты, даже если карта нарисована в дурацком стиле.

Я смотрел ещё минуту, пока она не начала вчитываться в пояснения. Потом закрыл камеру, выключил компьютер и пошёл домой. Дело сделано. Дальше — как получится.

На следующий день я пришёл в школу пораньше — даже раньше обычного, что уже само по себе было подозрительно. Тётя Зина, драившая полы в вестибюле, проводила меня долгим взглядом и покачала головой: «Молодёжь пошла, ни свет ни заря на работе». Я сделал вид, что не расслышал.

Включил камеру, заварил кофе, устроился поудобнее. У Кати был второй урок в восьмом «Б». Первый прошёл где-то в другом классе, но к началу второго она вернулась в свой кабинет.

Она зашла с ноутбуком.

Это было первое, что я заметил. Она принципиально пользовалась только мелом, доской и распечатками. Я даже спорил с ней об этом — точнее, пытался спорить, но она отрезала:

«Интерактив хорош, когда есть что показать. А показывать я умею и мелом». И вот теперь она тащила ноутбук. С выражением лица человека, который собирается прыгнуть с тарзанки в первый раз.

Дети заметили это сразу. Кто-то даже присвистнул — кажется, тот самый Костя с задней парты.

— Сегодня, — сказала Катя, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя я видел, как она сжала пальцы на крышке ноутбука, — мы немного изменим формат. У нас есть... гм... интерактивный тест. Я прошу вас пройти по ссылке. И не надо смеяться, Костя, ты тоже участвуешь.

Класс оживился. Я видел, как дети потянулись к телефонам, как засветились экраны. Катя нажала «Старт». На доске (она подключила проектор! Впервые за всё время!) появился первый вопрос.

«Что такое литосферная плита?»

Варианты ответов:

- Большой кусок пиццы.
- Часть земной коры, которая движется.
- Имя нового учителя физкультуры.
- Приложение для знакомств.

Класс заржал. Катя покраснела — я видел это даже через камеру. Она явно не ожидала такого уровня абсурда. Её уши побагровели, и она машинально поправила воротник блузки, хотя он никуда не съехал. Но она не выключила. Она стояла и смотрела, как дети щёлкают варианты, спорят, смеются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.